

На правах рукописи

Борисова Ольга Геннадьевна

**ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ СОВРЕМЕННЫХ КУБАНСКИХ
ГОВОРОВ КАК МАКРОСИСТЕМА: МОДЕЛЬ И ЕЁ РЕАЛИЗАЦИЯ**

10.02.01 Русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Краснодар –2018

Работа выполнена на кафедре современного русского языка
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Официальные оппоненты:

- доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии и журналистики ФГБОУ ВО «Костромской государственной университет» **Ганцовская Нина Семёновна**;

- доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, заведующий словарным отделом ГУ «Институт лингвистических исследований Российской академии наук» **Мызников Сергей Алексеевич**;

- доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова **Нефёдова Елена Алексеевна**.

Ведущая организация: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

Защита состоится 18 декабря 2018 года в 9.30 на заседании диссертационного совета Д 212.101.19 при ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» по адресу: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, ауд. 231.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» и на официальном сайте: <http://docspace.kubsu.ru/docspace/handle/1/1208>.

Автореферат разослан _____ 2018 года

И.о. ученого секретаря
диссертационного совета

Факторович А.Л.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Научные изыскания в области современного русского языка, имеющего территориально-структурные разновидности, предполагают обязательное монографическое описание местных диалектов, не подвергавшихся ранее разноаспектному изучению. К числу таких недостаточно исследованных идиомов относятся говоры Кубани, картина которых в пространстве русских народных говоров представляет собой сложный диалектный континуум. Трудности в их изучении во многом обусловлены пестротой лингвистического ландшафта: кубанский диалект, будучи диалектом позднего, вторичного образования, складывался на базе двух языковых стихий – южнорусской и украинской.

Несмотря на интерес филологов Кубани к языку своей малой родины, проявленный в разные временные периоды (см. работы В.П. Абрамова, В.И. Андрущенко, М.Ю. Беляевой, Р.Я. Ивановой, Т.Г. Ивановой, Т.Х. Каде, Л.Ю. Костиной, В.М. Пелих, И.Н. Пономаренко, Е.Ф. Тарасенковой, Е.Н. Трегубовой, А.Л. Факторовича, Н.П. Федоренко, О.С. Финько, В.П. Чалова, В.Ф. Чистякова, М.В. Шабалина, Е.П. Шейниной, О.В. Шестак и др.), приходится констатировать, что в исследовании кубанских говоров остаётся немало лакун. Так, необходимо признать, что до сих пор не существует полного знания о характере бытования диалектной лексики и фразеологии на всей территории распространения кубанского диалекта и об их системной организации. Бесспорно, такое знание никогда не может быть исчерпывающим, однако созданные автором диссертационного сочинения полисистемный словарь кубанских говоров и фрагмент тематического словаря «Человек» предоставляют достаточно надёжную языковую базу для реализации системного подхода к изучению лексико-фразеологического состава кубанского диалекта.

Актуальность данной работы определяется тем, что территория распространения кубанских говоров как ареальная единица, достаточно обстоятельно обследованная историками, этнографами, географами, культурологами, должна быть не менее глубоко изучена и в лингвистическом плане, прежде всего со стороны системной организации лексики и фразеологии бытующих на ней говоров. Исследование лексико-фразеологического пространства кубанских говоров необходимо для осмысления специфики функционирования говоров смешанного типа и прогнозирования направления их дальнейшего развития.

Объектом настоящего диссертационного сочинения являются лексика и фразеология кубанских говоров с украинской и южнорусской языковой основой, рассматриваемые в синхронии в рамках единой макросистемы, отражением которой является региональный полисистемный словарь. Объединение лексики и фразеологии в рамках единой лексико-фразеологической макросистемы продиктовано прежде всего

лексикографической традицией, по которой в толковый словарь принято помещать и устойчивые выражения.

Предмет исследования – результаты системообразующих процессов, детерминирующих формирование, устойчивость и изменчивость лексико-фразеологического пространства кубанского диалекта на синхронном этапе его бытования.

В работе выдвигается следующая *гипотеза* исследования: взаимодействие лексико-фразеологической системы кубанских говоров с украинской языковой основой (КГУЯО) и лексико-фразеологической системы кубанских говоров с южнорусской языковой основой (КГЮЯО), обладающих генетической и исторической общностью, приводит к формированию лексико-фразеологической макросистемы кубанских говоров. Её развитие стимулируют присущие кубанскому диалекту внутренние динамика и статика, способствующие как эволюции его лексико-фразеологического состава, так и сохранению важнейших составляющих прежнего состояния.

Цель работы – выявить содержание, общее состояние и идеографическую организацию лексики и фразеологии кубанских говоров в синхронии, определить характер протекающих в них процессов, обеспечивающих как динамику лексико-фразеологической макросистемы кубанского диалекта, так и консервацию её важнейших компонентов.

Для достижения указанной цели в работе ставятся и решаются следующие *задачи*: 1) определить экстралингвистическую базу для изучения кубанского диалекта; 2) исследовать процессы смешения кубанских говоров на всех языковых уровнях и проанализировать их результаты; 3) определить языковой статус кубанского диалекта в целом и КГУЯО в частности в диалектном членении РНЯ; 4) описать современный лексический и фразеологический состав кубанского диалекта и выявить его локальное своеобразие с использованием разных источников исследования и в сопоставлении с материнскими говорами; 5) обосновать правомерность объединения лексики и фразеологии КГУЯО и КГЮЯО в единую макросистему, репрезентантом которой выступает полисистемный Словарь кубанских говоров; 6) изложить в общих чертах концепцию полисистемного Словаря кубанских говоров и принципы формирования его иллюстративной зоны; 7) рассмотреть результаты системообразующих процессов, протекающих в макросистеме кубанского диалекта, в их статике и динамике; 8) провести разноаспектный лингвистический анализ слов и ФЕ, входящих в макрополе «Человек»; 9) на материале макрополя «Человек» разработать схему идеографической организации семантического пространства кубанских говоров, лексикографическим аналогом которой является представленный в работе фрагмент тематического словаря.

Фактологической базой исследования являются КГУЯО и КГЮЯО, рассматриваемые как идиом смешанного типа. *Материалом* исследования послужили данные Словаря кубанских говоров, основу которого составляют

слова и ФЕ, извлечённые из полевых записей, собранных во время диалектологических экспедиций студентов и магистрантов филологического факультета КубГУ, проводимых под руководством автора в течение 13 лет (2005 – 2017 гг.) при участии преподавателей кафедры современного русского языка Е.И. Рыбалко (2005 г., 2006 г.) и Л.Ю. Костиной (2007 – 2017 гг.). Кроме того, привлекались сведения всех имеющихся лексикографических источников, отражающих лексику и фразеологию кубанских говоров. В качестве материалов для сравнительно-сопоставительного анализа использовались «Словарь русских народных говоров» (СРНГ), «Большой толковый словарь донского казачества» (БТСДК), нормативные и диалектные словари русского и украинского языков.

Теоретической базой исследования является учение Р.И. Аванесова о диалектном языке и диалектных различиях, разработанное учёным ещё в первой половине XX века, общелингвистические положения о языке как целостной системе, о взаимосвязи и взаимовлиянии языка и общества, взаимодействии языка и культуры, о синхронном состоянии языка (см. широко известные работы С.В. Бромлей, Н.С. Ганцовской, А.С. Герда, Л.Э. Калнынь, О.Е. Кармаковой, В.В. Колесова, О.Н. Мораховской, С.А. Мызникова, Е.А. Нефёдовой, Н.И. Толстого и др.).

Методы исследования. Исследование проводилось в трёх аспектах: структурно-семантическом, ареальном и функциональном. Комплекс использованных в работе методов обусловлен её задачами. Он включает такие методы, как моделирование диалектных систем, описательный, сравнительно-сопоставительный, интерпретационно-дефиниционный, ареальный, метод компонентного анализа, элементы статистического метода. Кроме того, использовались приёмы этимологического и контекстуального анализа. Применялся экспериментальный метод (ассоциативный эксперимент).

В работе была апробирована авторская методика изучения лексики говоров позднего образования в генетических координатах. Суть методики заключается в совокупности следующих приёмов и исследовательских шагов: 1) регистрация всех имеющихся контекстов, в которых употребляется исследуемая ЛЕ; 2) дифференциация зарегистрированных контекстов на информативные и неинформативные (в том числе, малоинформативные); 3) составление на основе информативных контекстов толкования ЛЕ; 4) верификация наличия ЛЕ в выявленном значении в лексикографических источниках (в СРНГ, в словарях русского и украинского языков), позволяющая в случае отсутствия слова в перечисленных изданиях отнести его к локализмам; 5) при наличии слова в лексикографических трудах сопоставление словарных дефиниций с составленным толкованием для выявления наличия / отсутствия локального семантического своеобразия; 6) определение особенностей внутренней формы слова (для слов-локализмов); 7) определение способа семантической деривации (для локального ЛСВ слова).

Научная новизна данной работы определяется тем, что в ней впервые кубанский диалект квалифицируется как идиом смешанного типа, имеющий

восточнославянскую (русско-украинскую) языковую основу; устанавливаются параметры, по которым в исследовании определяется языковой статус КГУЯО; даётся характеристика территории распространения кубанского диалекта в диалектном членении РЯ. Впервые лексика и фразеология кубанских говоров рассматриваются в рамках единой лексико-фразеологической макросистемы, модель которой отражается в составленном автором первом в кубанской лексикографии полисистемном Словаре кубанских говоров, реализующим дифференциальный и недифференциальный подходы в презентации материала. В диссертации представляется авторская разработка особого лексикографического жанра в подаче иллюстративного материала – лексорассказа; предлагается схема идеографической организации макрополя «Человек», аналогом которого является тематический словарь. Традиционная схема членения лексики и фразеологии на активную и пассивную дополняется разграничением *актуальных* и *неактуальных историзмов, собственно архаизмов, архаизмов передового слоя* носителей говоров и доказывається целесообразность их дифференциации. Обосновывается правомерность применения широкого подхода при квалификации диалектных антонимов, позволяющего выделять социально-территориальные контрастные парадигмы, имеющие как общенациональный, так и социально-локальный характер, отражающий языковую картину мира жителей Кубани – одну из форм территориальной реализации общенациональной языковой картины мира. С целью оптимизации планирования диалектологических экспедиций и максимально полного выявления специфики диалектного ландшафта на уровне микро- и макросистем предлагается объединение районов Краснодарского края в 10 лингвогеографических зон на основе общности географического положения, административного деления и привязки к знаковому для данной местности географическому объекту (традиционно территория края разделяется по этноареальному признаку на две зоны, отражающие историю его заселения, – это восток и юго-восток края, где преобладают КГЮЯО, запад и юго-запад, где преобладают КГУЯО).

Теоретическая значимость исследования состоит в следующем:

1) определён лингвистический статус КГУЯО и место кубанского диалекта в диалектном членении РНЯ, что значимо для русской диалектологии и лингвистической географии; 2) описанные характеристики кубанского диалекта создают базу для теоретического осмысления такого языкового феномена, как смешанные говоры позднего образования; 3) результаты исследования процессов смешения кубанских говоров на лексическом уровне могут быть использованы при разработке теоретических основ *диалектной лексической контактологии*; 4) разработанные автором принципы лексикографической презентации говоров смешанного типа актуальны для теории диалектной лексикографии.

Практическая значимость. Исследование представляет собой интерес для специалистов по русской диалектологии, региональной лексикологии и

лексикографии, общей и частной лексикологии, для преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов филологических факультетов и других гуманитарных учебных заведений. Полученные результаты найдут широкое применение в лексикографической практике. Кроме того, представленные в работе данные будут полезны при составлении дополнений к СРНГ, в работе над «Лексическим атласом русских народных говоров» (ЛАРНГ) и над региональным лексическим атласом кубанских говоров. Прикладное значение работы заключается также в том, что содержащиеся в ней материалы могут использоваться при чтении лекций и спецкурсов филологического цикла, проведении практических занятий, написании студентами квалификационных работ, посвящённых разработке теоретических, методологических и источниковедческих вопросов лексикологии, диалектологии, лексикографии, лингвогеографии и др.

Основные положения, выносимые на защиту:

Научные изыскания в области современного русского языка, имеющего территориально-структурные разновидности, предполагают обязательное монографическое описание местных диалектов, не подвергавшихся ранее разноаспектному изучению. К числу таких недостаточно исследованных идиомов относятся говоры Кубани, картина которых в пространстве русских народных говоров представляет собой сложный диалектный континуум. Трудности в их изучении во многом обусловлены пестротой лингвистического ландшафта: кубанский диалект, будучи диалектом позднего, вторичного образования, складывался на базе двух языковых стихий – южнорусской и украинской.

Несмотря на интерес филологов Кубани к языку своей малой родины, проявленный в разные временные периоды (см. работы В.П. Абрамова, В.И. Андрущенко, М.Ю. Беляевой, Р.Я. Ивановой, Т.Г. Ивановой, Т.Х. Каде, Л.Ю. Костиной, В.М. Пелих, И.Н. Пономаренко, Е.Ф. Тарасенковой, Е.Н. Трегубовой, А.Л. Факторовича, Н.П. Федоренко, О.С. Финько, В.П. Чалова, В.Ф. Чистякова, М.В. Шабалина, Е.П. Шейниной, О.В. Шестак и др.), приходится констатировать, что в исследовании кубанских говоров остаётся немало лакун. Так, необходимо признать, что до сих пор не существует полного знания о характере бытования диалектной лексики и фразеологии на всей территории распространения кубанского диалекта и об их системной организации. Бесспорно, такое знание никогда не может быть исчерпывающим, однако созданные автором диссертационного сочинения полисистемный словарь кубанских говоров и фрагмент тематического словаря «Человек» предоставляют достаточно надёжную языковую базу для реализации системного подхода к изучению лексико-фразеологического состава кубанского диалекта.

Актуальность данной работы определяется тем, что территория распространения кубанских говоров как ареальная единица, достаточно обстоятельно обследованная историками, этнографами, географами,

культурологами, должна быть не менее глубоко изучена и в лингвистическом плане, прежде всего со стороны системной организации лексики и фразеологии бытующих на ней говоров. Исследование лексико-фразеологического пространства кубанских говоров необходимо для осмысления специфики функционирования говоров смешанного типа и прогнозирования направления их дальнейшего развития.

Объектом настоящего диссертационного сочинения являются лексика и фразеология кубанских говоров с украинской и южнорусской языковой основой, рассматриваемые в синхронии в рамках единой макросистемы, отражением которой является региональный полисистемный словарь. Объединение лексики и фразеологии в рамках единой лексико-фразеологической макросистемы продиктовано прежде всего лексикографической традицией, по которой в толковый словарь принято помещать и устойчивые выражения.

Предмет исследования – результаты системообразующих процессов, детерминирующих формирование, устойчивость и изменчивость лексико-фразеологического пространства кубанского диалекта на синхронном этапе его бытования.

В работе выдвигается следующая *гипотеза* исследования: взаимодействие лексико-фразеологической системы кубанских говоров с украинской языковой основой (КГУЯО) и лексико-фразеологической системы кубанских говоров с южнорусской языковой основой (КЮЯО), обладающих генетической и исторической общностью, приводит к формированию лексико-фразеологической макросистемы кубанских говоров. Её развитие стимулируют присущие кубанскому диалекту внутренние динамика и статика, способствующие как эволюции его лексико-фразеологического состава, так и сохранению важнейших составляющих прежнего состояния.

Цель работы – выявить содержание, общее состояние и идеографическую организацию лексики и фразеологии кубанских говоров в синхронии, определить характер протекающих в них процессов, обеспечивающих как динамику лексико-фразеологической макросистемы кубанского диалекта, так и консервацию её важнейших компонентов.

Для достижения указанной цели в работе ставятся и решаются следующие *задачи*: 1) определить экстралингвистическую базу для изучения кубанского диалекта; 2) исследовать процессы смешения кубанских говоров на всех языковых уровнях и проанализировать их результаты; 3) определить языковой статус кубанского диалекта в целом и КГУЯО в частности в диалектном членении РНЯ; 4) описать современный лексический и фразеологический состав кубанского диалекта и выявить его локальное своеобразие с использованием разных источников исследования и в сопоставлении с материнскими говорами; 5) обосновать правомерность объединения лексики и фразеологии КГУЯО и КЮЯО в единую макросистему, репрезентантом которой выступает полисистемный Словарь

кубанских говоров; 6) изложить в общих чертах концепцию полисистемного Словаря кубанских говоров и принципы формирования его иллюстративной зоны; 7) рассмотреть результаты системообразующих процессов, протекающих в макросистеме кубанского диалекта, в их статике и динамике; 8) провести разноаспектный лингвистический анализ слов и ФЕ, входящих в макрополе «Человек»; 9) на материале макрополя «Человек» разработать схему идеографической организации семантического пространства кубанских говоров, лексикографическим аналогом которой является представленный в работе фрагмент тематического словаря.

Фактологической базой исследования являются КГУЯО и КГЮЯО, рассматриваемые как идиом смешанного типа. *Материалом исследования* послужили данные Словаря кубанских говоров, основу которого составляют слова и ФЕ, извлечённые из полевых записей, собранных во время диалектологических экспедиций студентов и магистрантов филологического факультета КубГУ, проводимых под руководством автора в течение 13 лет (2005 – 2017 гг.) при участии преподавателей кафедры современного русского языка Е.И. Рыбалко (2005 г., 2006 г.) и Л.Ю. Костиной (2007 – 2017 гг.). Кроме того, привлекались сведения всех имеющихся лексикографических источников, отражающих лексику и фразеологию кубанских говоров. В качестве материалов для сравнительно-сопоставительного анализа использовались «Словарь русских народных говоров» (СРНГ), «Большой толковый словарь донского казачества» (БТСДК), нормативные и диалектные словари русского и украинского языков.

Теоретической базой исследования является учение Р.И. Аванесова о диалектном языке и диалектных различиях, разработанное учёным ещё в первой половине XX века, общелингвистические положения о языке как целостной системе, о взаимосвязи и взаимовлиянии языка и общества, взаимодействии языка и культуры, о синхронном состоянии языка (см. широко известные работы С.В. Бромлей, Н.С. Ганцовой, А.С. Герда, Л.Э. Калнынь, О.Е. Кармаковой, В.В. Колесова, О.Н. Мораховской, С.А. Мызникова, Е.А. Нефёдовой, Н.И. Толстого и др.).

Методы исследования. Исследование проводилось в трёх аспектах: структурно-семантическом, ареальном и функциональном. Комплекс использованных в работе методов обусловлен её задачами. Он включает такие методы, как моделирование диалектных систем, описательный, сравнительно-сопоставительный, интерпретационно-дефиниционный, ареальный, метод компонентного анализа, элементы статистического метода. Кроме того, использовались приёмы этимологического и контекстуального анализа. Применялся экспериментальный метод (ассоциативный эксперимент).

В работе была апробирована авторская методика изучения лексики говоров позднего образования в генетических координатах. Суть методики заключается в совокупности следующих приёмов и исследовательских шагов: 1) регистрация всех имеющихся контекстов, в которых употребляется исследуемая ЛЕ; 2) дифференциация зарегистрированных контекстов на

информативные и неинформативные (в том числе, малоинформативные); 3) составление на основе информативных контекстов толкования ЛЕ; 4) верификация наличия ЛЕ в выявленном значении в лексикографических источниках (в СРНГ, в словарях русского и украинского языков), позволяющая в случае отсутствия слова в перечисленных изданиях отнести его к локализмам; 5) при наличии слова в лексикографических трудах сопоставление словарных дефиниций с составленным толкованием для выявления наличия / отсутствия локального семантического своеобразия; 6) определение особенностей внутренней формы слова (для слов-локализмов); 7) определение способа семантической деривации (для локального ЛСВ слова).

Научная новизна данной работы определяется тем, что в ней впервые кубанский диалект квалифицируется как идиом смешанного типа, имеющий восточнославянскую (русско-украинскую) языковую основу; устанавливаются параметры, по которым в исследовании определяется языковой статус КГУЯО; даётся характеристика территории распространения кубанского диалекта в диалектном членении РЯ. Впервые лексика и фразеология кубанских говоров рассматриваются в рамках единой лексико-фразеологической макросистемы, модель которой отражается в составленном автором первом в кубанской лексикографии полисистемном Словаре кубанских говоров, реализующим дифференциальный и недифференциальный подходы в презентации материала. В диссертации представляется авторская разработка особого лексикографического жанра в подаче иллюстративного материала – лексорассказа; предлагается схема идеографической организации макрополя «Человек», аналогом которого является тематический словарь. Традиционная схема членения лексики и фразеологии на активную и пассивную дополняется разграничением *актуальных* и *неактуальных историзмов, собственно архаизмов, архаизмов передового слоя* носителей говоров и доказывається целесообразность их дифференциации. Обосновывается правомерность применения широкого подхода при квалификации диалектных антонимов, позволяющего выделять социально-территориальные контрастные парадигмы, имеющие как общенациональный, так и социально-локальный характер, отражающий языковую картину мира жителей Кубани – одну из форм территориальной реализации общенациональной языковой картины мира. С целью оптимизации планирования диалектологических экспедиций и максимально полного выявления специфики диалектного ландшафта на уровне микро- и макросистем предлагается объединение районов Краснодарского края в 10 лингвогеографических зон на основе общности географического положения, административного деления и привязки к знаковому для данной местности географическому объекту (традиционно территория края разделяется по этноареальному признаку на две зоны, отражающие историю его заселения, – это восток и юго-восток края, где преобладают КГЮЯО, запад и юго-запад, где преобладают КГУЯО).

Теоретическая значимость исследования состоит в следующем:

1) определён лингвистический статус КГУЯО и место кубанского диалекта в диалектном членении РНЯ, что значимо для русской диалектологии и лингвистической географии; 2) описанные характеристики кубанского диалекта создают базу для теоретического осмысления такого языкового феномена, как смешанные говоры позднего образования; 3) результаты исследования процессов смешения кубанских говоров на лексическом уровне могут быть использованы при разработке теоретических основ *диалектной лексической контактологии*; 4) разработанные автором принципы лексикографической презентации говоров смешанного типа актуальны для теории диалектной лексикографии.

Практическая значимость. Исследование представляет собой интерес для специалистов по русской диалектологии, региональной лексикологии и лексикографии, общей и частной лексикологии, для преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов филологических факультетов и других гуманитарных учебных заведений. Полученные результаты найдут широкое применение в лексикографической практике. Кроме того, представленные в работе данные будут полезны при составлении дополнений к СРНГ, в работе над «Лексическим атласом русских народных говоров» (ЛАРНГ) и над региональным лексическим атласом кубанских говоров. Прикладное значение работы заключается также в том, что содержащиеся в ней материалы могут использоваться при чтении лекций и спецкурсов филологического цикла, проведении практических занятий, написании студентами квалификационных работ, посвящённых разработке теоретических, методологических и источниковедческих вопросов лексикологии, диалектологии, лексикографии, лингвогеографии и др.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Для определения лингвистического статуса КГУЯО следует принимать во внимание интра- и экстралингвистические факторы: 1) генетическую связь КГУЯО с КГЮЯО и РЯ; 2) проявление единства в направлении их структурного развития; 3) значительную временную и пространственную дистанцию, отделяющую современные КГУЯО от украинского языка; 4) смешение двух кубанских диалектов, с разной степенью интенсивности проявляющееся на всех языковых уровнях; 5) облигаторное влияние РЛЯ; и, наконец, 6) этническое самосознание местных жителей, в большинстве своём идентифицирующих себя не как украинцев, а как россиян, кубанцев, для которых официальным средством общения является РЯ в форме, близкой к разговорной литературной речи. Учет перечисленных параметров позволяет включать современные КГУЯО в русский диалектный континуум. Данная трактовка имеет глубинную историческую основу: в «Опыте диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии» (1915 г.) КГУЯО в составе малорусского наречия квалифицируются составителями как диалектное подразделение РНЯ.

2. В современном состоянии кубанские говоры – это гетерогенный диалект, неоднородность которого унаследована от сформировавших его говоров – южнорусских и украинских. Выявление фактов *смешения* КГЮЯО и КГУЯО на всех языковых уровнях, в результате которого они механически соединяются, заимствуя некоторые элементы друг друга, а также их генетическая общность, создающая благоприятную почву для естественного сближения, позволяют рассматривать кубанский диалект как оригинальный локальный идиом смешанного типа, имеющий восточнославянскую (русско-украинскую) языковую основу. Этот диалект имеет полидиалектную фонетико-грамматическую систему и практически монодиалектную лексико-фразеологическую систему, поскольку она включает значительный в количественном отношении общий лексико-фразеологический пласт, – слова и фразеологизмы, функционирующие как в КГЮЯО, так и в КГУЯО.

3. Территорию распространения кубанского диалекта как локального идиома смешанного типа, имеющего восточнославянскую (русско-украинскую) языковую основу, в диалектном членении РЯ можно охарактеризовать как особую лингвоэтнокультурную зону, основные черты языка которой начали формироваться с конца XVIII века и во многом обусловлены её этногенезом, географическими особенностями края (ландшафтом, климатическими условиями, флорой и фауной), изменением административных границ. Понимая под кубанским диалектом единицу лингвоэтнографического членения, предлагаем рассматривать его как диалект позднего образования, обладающий определёнными этнографическим и языковыми особенностями, присущими его носителям: кубанскому казачеству, а также восточнославянскому населению, проживающим на территории Краснодарского края.

4. Характерной типологической особенностью кубанского диалекта является единство двух свойств: 1) смешение южнорусских говоров и украинского языка; 2) смешение различных говоров южнорусского наречия. Изучение говоров смешанного типа предполагает выявление результатов их взаимодействия, что делает актуальным выделение в диалектологии как самостоятельной научной дисциплины – *диалектной контактологии*, анализирующей на всех языковых уровнях процессы адаптации двух или более контактирующих говоров, вызванные их взаимовлиянием и облигаторным воздействием литературного языка. В связи с тем, что наиболее активно процесс смешения диалектов протекает на лексическом уровне, поскольку лексика представляет собой наиболее открытую и подвижную систему, одним из направлений *диалектной контактологии* должна стать *диалектная лексическая контактология*, исследующая механизмы смешения лексики и фразеологии говоров территорий компактного проживания населения, а также модели воплощения этих механизмов.

5. Типологический анализ лексического состава КГУЯО и КГЮЯО, направленный на выяснение их общности и различий на уровне отдельной ЛЕ

(ЛСВ) как элемента лексической системы говоров со всеми её лексикологическими характеристиками, обусловленными данной системой, демонстрирует, что кубанские говоры обнаруживают как общность, так и различия – непротивопоставленные и противопоставленные. Выявленная относительность различительных противопоставленных диалектных различий является показателем того, что в области лексики для кубанских говоров более характерны общность и вариативность, чем различие. Постепенное размывание исторических основ кубанских говоров приводит к нивелированию дифференцирующих их структурных и собственно лексических различий. На лексическом уровне современным говорам Кубани в большей степени присущи непротивопоставленные диалектные различия, обусловленные не языковой основой говора, а природными условиями и спецификой хозяйственной и промысловой деятельности населения.

6. Учёт экстра- и интралингвистических сведений делает правомерным объединение лексики и фразеологии КГЮЯО и КГУЯО в единую макросистему, представляющую собой некое обобщение, отвлечение от частных диасистем, которые моделируются на основе лексикона конкретных диалектоносителей. Под лексико-фразеологической макросистемой кубанских говоров следует понимать обладающее свойством реального функционального тождества исторически сложившееся целостное образование, состоящее из совокупности компонентов, находящихся во взаимно перекрещивающихся синтагмо-парадигматических отношениях и ограниченных в функционировании определённым ареалом. Теоретическим обоснованием объединения лексики и фразеологии кубанских говоров с разными языковыми основами в единую макросистему служит концепция диалектного языка, согласно которой он определяется как сложная система диалектных микросистем, варьирующих общие и различительные признаки [Аванесов 1964: 11]. Такая трактовка позволяет говорить не об общности и различии двух лексико-фразеологических систем кубанских говоров, а о вариативности русского диалектного языка, составной частью которого они являются.

7. Репрезентантом лексико-фразеологической макросистемы кубанских говоров выступает полисистемный словарь. В нём лексика и фразеология предстают в статичном состоянии, что создаёт оптимальные условия для их систематизации и последующего лингвистического анализа. Словарь отражает не только статику лексико-фразеологической макросистемы, но и результаты её динамики: использование специальных помет указывает на такие процессы, как архаизация, неологизация, реактуализация, расщепление коннотации, структурное и семантическое варьирование лексических и фразеологических единиц. Совмещение в словарной практике двух подходов: дифференциального – при формировании словника и недифференциального – при создании иллюстративной зоны словаря, в которой преобладают микротексты, позволяет, опираясь на лексикографическую базу, изучать и отдельные языковые явления,

имеющие территориальную ограниченность, и специфику диалекта как особой формы коммуникации.

8. При составлении регионального словаря целесообразно исходить из того, что словарь – это и лексикографически обработанный диалектный материал, демонстрирующий лексико-фразеологический состав диалекта, и лексикографическое произведение, в котором отражается многоголосие диалектной речи, записанной от разных информантов, живописующих повседневное бытие сельского человека в его сложной многогранности и нераздельном единстве с духовной жизнью. В этой связи при формировании иллюстративной зоны словаря предпочтение должно отдаваться разработанному автором лексикографическому жанру – лексорассказу, представляющему собой выделенный лексикографом из рассказа информанта микротекст, содержание которого направлено на семантизацию, лингвистическую и экстралингвистическую презентацию входящей в него лексикографируемой языковой единицы, а также на создание общего этнокультурного фона словарной статьи.

9. Основу устойчивого массива диалектной лексики и фразеологии в кубанских говорах составляют релевантные для носителей диалекта лексические и фразеологические единицы, характеризующиеся регулярной воспроизводимостью, в семантике которых отражаются идеалы и аксиологические представления старожильческого населения края, материальная и духовная культура данного региона, его природные условия. Это бытовая, этнографическая, а также экспрессивная лексика и фразеология. Важное звено словарного состава кубанских говоров образуют тюркизмы, многие из которых вошли в кубанский диалект из материнских говоров, став принадлежностью общего казачьего лексикона и обогатив его в различных тематических сферах. Определение состава кубанских фразеологизмов, разграничение УНТС (устойчивых номенклатурно-терминологических словосочетаний) и ДФЕ, выявление фразеологически многовалентных слов и активных структур демонстрируют, что для кубанских устойчивых выражений, характерны универсальность и уникальность образов, традиционность и эксклюзивность семантических решений, разнообразие моделей и неравномерность представленности по структурным типам, что во многом обусловлено двумя языковыми основами кубанских говоров.

10. Максимально полное представление об источниках и путях формирования словарного состава говоров позднего образования создаёт исследование лексики кубанских говоров в генетических координатах. Генетический подход демонстрирует, что лексика говоров вторичного образования, сохраняя сходство с материнскими говорами, обнаруживает и определённые отличия, проявлением которых являются локальное семантическое варьирование ЛЕ и образование слов-локализмов. Локализмы имеют различную локализованность на территории распространения кубанских говоров: их функционирование может как охватывать широкий ареал, так и

ограничиваться говором одного населённого пункта. Локальная реализация семантического потенциала слов, рождение ЛЕ «на местной почве» отражают специфику говором позднего образования и языковое творчество их носителей, а также играют важную роль в организации синхронной диалектной лексической системы.

11. Более глубокому пониманию внутреннего устройства лексико-фразеологической макросистемы кубанского диалекта способствует составленная схема идеографической организации лексики и фразеологии макрополя «Человек», которое моделируется как аналог тематического словаря. В него включаются с указанием географии словозначения лексика и фразеология говором двух лексико-фразеологических систем, поскольку исследование диалектного континуума, обладающего структурной и генетической близостью, должно быть направлено на выявление свойственной носителям говором изучаемой территории как общей, так и вариативной части представлений о мире. Принципиально также объединение в одном микрополе слов и устойчивых выражений, «высвечивающее» те участки действительности, которые, имея «лексическое покрытие», покрываются или не покрываются фразеологией. Выявление количественного фразеологического и лексического состава каждого участка действительности демонстрирует специфику тематического расслоения лексики и фразеологии, конфигурации «ячеек» лексической и фразеологической номинативных «сетей». Особо значимые участки жизнедеятельности человека, как правило, имеют лексическое и фразеологическое «покрытие». Предложенная в работе схема идеографической организации лексики и фразеологии репрезентирует лексико-фразеологическую макросистему кубанского диалекта как живую, исторически сложившуюся целостность, основанную на множестве иерархически организованных номинаций.

12. Систематизация лексики и фразеологии кубанских говором в аспекте её употребительности на активную и пассивную, состоящая в выделении *актуальных и неактуальных историзмов, собственно архаизмов, архаизмов передового слоя носителей говором, актуальных и неактуальных неологизмов*, позволяет в динамике проследить системные количественные и качественные изменения в лексико-фразеологической макросистеме кубанских говором и прогнозировать её дальнейшее развитие. Проведённое исследование показало, что архаизация и неологизация, будучи противоположными по своему характеру и результату, сосуществуют в пределах одного синхронного среза и играют важную роль в организации лексики и фразеологии как системы, поддерживая её статику и динамику: в генезисе говором не только теряют и приобретают слова, устойчивые выражения и значения, но и сохраняют важнейшие составляющие прежнего состояния, что обеспечивает их относительную стабильность. Действие и противодействие процессов архаизации и неологизации, протекающих значительно медленнее, чем в ЛЯ, обеспечивают словарному составу диалекта динамическую устойчивость.

13. Парадигматические отношения в лексике и фразеологии кубанских говоров, играющие важную роль в системной организации словарного состава диалекта, претерпевают определённые изменения, проявляющиеся в преобразованиях синонимических пар и рядов, распаде или создании омонимических или антонимических пар, развитии или утрате значений, преодолении или появлении энантиосемии. Однако в синхронии эти изменения достаточно статичны, что обеспечивает относительную устойчивость лексико-фразеологической макросистемы кубанского диалекта. К характерной особенности парадигматических отношений в лексико-фразеологической макросистеме кубанских говоров следует отнести факты смешанной синонимии и полисемии. Образующие их слова и фразеологизмы, а также значения слов и фразеологизмов, противопоставленные друг другу территориально, могут функционировать и в говоре одного населённого пункта. Способность слов и устойчивых выражений одновременно вступать в межсистемные и внутрисистемные парадигматические отношения подтверждает правомерность объединения лексики и фразеологии КГЮЯО и КГУЯО в единую лексико-фразеологическую макросистему.

Апробация. Основные положения и результаты диссертационного исследования обсуждались в виде научных докладов и сообщений на заседаниях кафедры современного русского языка филологического факультета КубГУ, на Всероссийских диалектологических совещаниях по ЛАРНГ (СПб. 2005 – 2018), на научных мероприятиях различных уровней: *международных конгрессах* (Москва 2010, 2014; Сочи 2014; Казань 2016); *международных конференциях* (Краснодар 2007, 2009, 2011, 2013, 2015, 2017; Волгоград 2009; Самара 2010; Ростов-на-Дону 2012; Майкоп, 2017); *международных научно-практических конференциях*: (Краснодар 2005; 2009; 2010, 2011, 2014, 2016; Воронеж 2009; Славянск-на-Кубани 2008; *международной конференции-семинаре* (Ставрополь 2010); *международной политематической конференции* «Краснодар 2016); *на всероссийской научно-практической конференции с международным участием* (Волгоград 2016); *на научно-практической всероссийской интернет-конференции* (Ставрополь 2009); *на межрегиональной научно-практической конференции* (Краснодар 2009); *на научно-методической конференции* (Ставрополь 2011); *на конференциях грантодержателей регионального конкурса Российского гуманитарного научного фонда и администрации Краснодарского края* (Краснодар 2007, 2008, 2010, 2015).

Исследование кубанских говоров в разные годы было поддержано грантами РГНФ: грант РГНФ 2007-2008 № 07-04-38405 а/Ю "Современные кубанские говоры: фонетическая, лексическая, семантическая, концептуальная специфика"; грант РГНФ 2009-1010 № 09-04-38401 а/Ю "Социально-территориальное варьирование современного русского языка на Кубани"; грант РГНФ 2009-1010 № 09-04-38402 а/Ю "Диалектная лексика Кубани во времени и пространстве (структурно-типологический и лингвогеографический аспекты)"; грант РГНФ 2012-2013 № 12-04-00184/12 "Говоры вторичного образования:

Диалектный ландшафт Кубанского Приазовья (лексика и фразеология)"; грант РГНФ 2014-2015 № 14-14-23001 "Говоры вторичного образования: Диалектный ландшафт Кубанского Предгорья (лексика и фразеология)"; грант РГНФ 2016-2017 № 16-14-23002 "Говоры вторичного образования: Диалектный ландшафт горно-предгорной восточной зоны Краснодарского края (лексика и фразеология)".

Результаты проведённого исследования используются автором диссертации в преподавании предметов «Русская диалектология», «Региональная лингвистика», «Этнокультурные основы лингвистики», а также спецкурса для магистрантов «Кубанские говоры во времени и пространстве».

Структура диссертации. Работа состоит из введения, шести глав, заключения, списка использованной литературы, лексикографических источников и шести приложений (двух обязательных и четырёх справочных).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** определены цель, задачи, предмет и методы исследования, его актуальность, новизна, теоретическая и практическая значимость, сформулированы выносимые на защиту положения, указана структура диссертации.

В главе 1 **«Кубанские говоры в русском диалектном континууме»** сформирована экстралингвистическая база исследования, дана типологическая характеристика современных кубанских говоров, определён их языковой статус, проведена систематизация словарного состава кубанского диалекта в аспекте его употребительности.

В параграфе 1.1 **«Экстралингвистическая база изучения современных кубанских говоров: статика и динамика основных параметров»** продемонстрирована важность экстралингвистической информации, в которой необходимо учитывать как стабильные, так и переменные сведения, находящиеся в силу действия философских законов устойчивости и изменчивости в состоянии динамического развития и требующие постоянного пополнения новыми данными. Доказана целесообразность объединения районов Краснодарского края в 10 лингвогеографических зон на основании общности географического положения и привязки к знаковому для данной местности географическому объекту. Такой подход позволяет исследовать языковые факты на уровне микро- и макросистем и максимально полно выявлять специфику современного диалектного ландшафта Краснодарского края, во многом обусловленную не только историей его заселения, но и особенностями географического положения, природными факторами, родом занятий жителей. Лингвогеографические зоны Краснодарского края представлены на карте 2.

Карта 2 – Лингвогеографические зоны Краснодарского края

Легенда карты

1 – Кубанское Приазовье: 1001 Ейский р-н, 1007 Приморско-Ахтарский р-н, 1025 Славянский р-н, 1024 Темрюкский р-н, 1002 Щербиновский р-н. **2** – Северная степная зона: 1006 Крыловской р-н, 1004 Кушевский р-н, 1005 Ленинградский р-н, 1003 Староминской р-н. **3** – Северо-восточная степная зона: 1010 Белоглинский р-н, 1020 Кавказский р-н, 1013 Новопокровский р-н, 1029 Тбилисский р-н, 1012 Тихорецкий р-н. **4** – Степная зона: 1011 Брюховецкий р-н, 1019 Выселковский р-н, 1016 Калининский р-н, 1008 Каневский р-н, 1018 Кореновский р-н, 1009 Павловский р-н, 1017 Тимашевский р-н. **5** – Центральная зона: г. Краснодар, 1027 Динской р-н, 1026 Красноармейский р-н, 1028 Усть-Лабинский р-н. **6** – Кубанское Причерноморье: 1035 Анапский р-н, г. Анапа, г. Геленджик, г. Новороссийск, г. Сочи, 1058 Туапсинский р-н. **7** – Горно-предгорная западная зона: 1037 Абинский р-н, 1036 Крымский р-н, 1038 Северский р-н. **8** – Горно-предгорная восточная зона: г. Горячий Ключ, 1051 Апшеронский р-н, 1043 Белореченский р-н. **9** – Степное Закубанье: г. Армавир, 1030 Гулькевичский р-н, 1044 Курганинский р-н, 1039 Новокубанский р-н, 1045 Успенский р-н. **10** –

Кубанское Предгорье: 1053 Лабинский р-н, 1052 Мостовской р-н, 1059 Отрадненский р-н.

В параграфе 1.2 **«Типологическая характеристика современных кубанских говоров»** обозначена ведущая тенденция, определяющая современное состояние кубанского диалекта, заключающаяся в постепенном размывании его исторических основ и распространении лексических, грамматических и фонетических элементов РЯ.

В параграфе 1.2.1 **«Общность и различие современных кубанских говоров на лексическом уровне»** показано, что смешение кубанских говоров наиболее наглядно проявляется в лексике. Эти говоры имеют общекубанский лексический пласт, что составляет их релевантную типологическую особенность. Установлено, что для кубанских говоров в их современном состоянии на лексическом уровне характерны как общность, так и различия (непротивопоставленные и противопоставленные). В большей степени им присущи непротивопоставленные диалектные различия, обусловленные не столько языковой основой говоров, сколько природными условиями и спецификой хозяйственной и промысловой деятельности диалектоносителей (напр.: рыболовецкая лексика, зафиксированная в районах, жители которых занимаются рыбной ловлей (побережье Азовского и Чёрного морей): *ахán* 'ставная крупноячеистая сеть для ловли красной рыбы', *бáйда* 'большая широкая вёсельная лодка', *чулáрка* 'мелкая кефаль' и др.).

В параграфе 1.2.2 **«Общность и различие современных кубанских говоров на грамматическом уровне»** продемонстрировано, что КГУЯО говоры вбирают в себя грамматические черты контактирующих с ними КГЮЯО и РЛЯ. Причём некоторые формы становятся дублетными (см., напр.: [Т'] / [Т] в окончаниях глаголов 3 л. ед. и мн. ч. настоящего и простого будущего времени и др.), другие различаются как бытовой или официальный стиль (см., напр.: флексии –У / –Е в П. п. ед. ч. у сущ. 2-ого склонения). Украинские грамматические черты усваиваются в меньшей степени (см., напр.: дублетные окончания –АМ и –АХ у сущ. мн. ч. с предлогом *ПО* при глаголах любого лексического значения и др.). Воздействие говоров друг на друга на уровне грамматики является обоюдным, но в этом двустороннем процессе действуют силы, различные по своему удельному весу. В целом этот процесс не носит глубинного характера, что способствует относительной устойчивости грамматических диалектных черт.

В параграфе 1.3 **«Языковой статус современных кубанских говоров и их место в диалектном членении русского языка»** дана типологическая характеристика современных кубанских говоров, которые квалифицируются как оригинальный локальный идиом смешанного типа, имеющий восточнославянскую (русско-украинскую) языковую основу. Современные КГУЯО с учётом интра- и экстралингвистических факторов квалифицируются как территориальная разновидность РНЯ. Территория распространения

кубанского диалекта в диалектном членении РНЯ охарактеризована как особая лингвоэтнокультурная зона, основные черты языка которой начали формироваться с конца XVIII века и во многом обусловлены её этногенезом, географическими особенностями, изменением административных границ.

В параграфе 1.4 «**Систематизация лексики и фразеологии кубанских говоров в аспекте их употребительности**» показано, что архаизация и неологизация играют важную роль в системной организации лексики и фразеологии, поддерживают её статику и динамику, сохраняя константную часть словарного состава говоров и стимулируя его обновление. Представленные результаты членения лексики и фразеологии на активную и пассивную, продемонстрировали размытость границ между ними, в чём видится основная причина количественной неопределённости словарного состава диалекта. Выделение *актуальных* историзмов (см., напр.: *бедáрка* ‘одноконная повозка на двух колёсах’, *рубéль* ‘валёк для стирки белья’ и др.), *неактуальных* историзмов (см., напр.: *охóтник* ‘закубанский казак из солдат, доброволец’ и др.), *собственно архаизмов* (см., напр.: *волоу́д* ‘пастух, пасущий быков, коров’, *прать* ‘стирать’ и др.), *архаизмов передового слоя* (см., напр.: *найті́(ы)* ‘родить’, *побра́ться* ‘пожениться’ и др.), *актуальных неологизмов* (см. *бессме́ртник* ‘террорист-смертник’, *мо́т(н)ик* ‘сухопутный скутер’ и др.), *неактуальных неологизмов* (см., напр.: *та́бор* ‘полевой стан’, *електри́ческа(я) гру́бка* ‘электропечь’ и др.) позволило не только отразить степень употребительности слов и ФЕ, но и «высветить» различия лексикона представителей передового и традиционного слоёв говора, которые на Кубани весьма ощутимы. Выявленная способность носителей кубанских говоров к реставрации устаревшей диалектной лексики и фразеологии подтвердила, что структурная устойчивость говоров обеспечивается не только самой системой языка, но и механизмами его усвоения.

Глава 2 «**Лексический состав кубанских говоров**» посвящена характеристике территориально ограниченной части лексического пространства кубанских говоров, описанию конкретного содержания образующих и организующих его основных ЛЕ.

В параграфе 2.1 «**Структурно-типологическая и грамматическая характеристики лексического состава кубанских говоров**» дано определение кубанских диалектизмов, под которыми понимаются слова, функционирующие в других русских говорах (как правило, южнорусских), в украинском языке или только в говорах Кубани и не входящие в словарный запас РЛЯ. Показано, что яркой чертой многих диалектизмов является полилексия, обусловленная не только самим механизмом развития языка, но и смешением двух материнских основ кубанского диалекта. По материалам картотеки Словаря кубанских говоров (8235 ЛЕ) представлено процентное соотношение типов диалектизмов: лексические – 38%, семантические – 14%, структурные варианты слов РЯ – 47%, синкретичные – 1%. Выявлено процентное соотношение слов, относящихся к четырём самым крупным

грамматическим разрядам: имена существительные – 53,2%, глаголы – 28,1%, прилагательные – 11,4%, наречия – 5,3%. Типологическая характеристика ЛЕ и их обзор по грамматическим категориям позволили выяснить значимость в стратегии развития словарного состава кубанского диалекта различных типов диалектизмов, принадлежащих к знаменательным частям речи.

В параграфе 2.2 «**Лексический состав кубанских говоров в генетических координатах**» рассмотрена степень близости лексики изучаемых говоров к материнскому языку и выявлено их локальное своеобразие – релевантный показатель того, что кубанские говоры проходят в русском диалектном континууме собственный путь развития. Установлено, что адаптация ЛЕ материнских языков к *местобытованию* может проявляться в изменении как огласовки, так и семантики. Структурные трансформации обусловлены особенностями диасистемы; семантические – внеязыковыми факторами, под влиянием которых в семантической сетке ЛЕ происходят различные преобразования: утрата неактуальных в данной языковой среде ЛСВ, приращение новых ЛСВ или их оттенков, изменение эмоционально-оценочной характеристики. Локальные ЛСВ образуются в результате переосмысления, сужения или расширения значения. Среди локализованных слов преобладают мотивированные ЛЕ, образованные по тем же словообразовательным моделям, что и слова РЛЯ. Причина демотивации локализованных слов – утрата однокоренных слов либо изменение внешнего облика ЛЕ, приводящие к затемнению внутренней формы. Функционирование локализованных слов может как охватывать широкий ареал, так и ограничиваться говором одного населённого пункта. В целом семантическое варьирование диалектных и общенародных слов, а также рождение региональных ЛЕ играют важную роль в организации словарного состава кубанского диалекта в его синхронии. Исследование лексики в генетических координатах позволило составить максимально полное представление об источниках и путях формирования словарного состава кубанских говоров и выделить в нём следующие генетические пласты: 1) Неварьируемые ЛЕ материнских говоров и общенародного языка (см., напр.: *ледáчий* ‘ленивый’, *робы́ть* ‘работать’ и др.). 2) Локальные варианты ЛЕ материнских говоров и общенародных слов (см., напр.: локальные ЛСВ следующих ЛЕ: *гимáра* ‘сорт жёлтой продолговатой тыквы’, *цика́вый* ‘язвительный, острый на язык’ и др.). 3) Собственно локализованные слова (см. *брехáловка*, *брёшка* ‘место встречи и гуляний молодёжи’, *о(т)че(а)ма́ха* ‘отчаянный, озорной человек; сорвиголова’ и ‘заводила’ и др.). 4) Неварьируемые прямые заимствования из языков народов Кавказа (см. напр.: *мару́шка* ‘женщина, девушка’ и некот. др.). 5) Варьируемые прямые заимствования из языков народов Кавказа (см. напр.: *бадрижáн* ‘прозвище жителей ст-цы Ярославской’, *кубга́н* ‘глиняный высокий горшок, кувшин с узким горлом, обычно с двумя ручками’ и др.).

В параграфе 2.3 «**Лексика тюркского происхождения как важная часть общекубанского лексического пласта**» проанализированы тюркизмы,

обогадившие словарный состав кубанских говоров в различных тематических сферах и ставшие принадлежностью общего казачьего лексикона (см., напр.: *баз* ‘огороженное место, как правило, с крытыми помещениями, где содержат скот’, *мажѣра* ‘казачья телега для двух лошадей или волов’ и др.). Большая часть тюркизмов попала в кубанский диалект из материнских языков. Одни из них проявили поразительную стабильность, другие – подверглись переосмыслению (см., напр., локальные ЛСВ у следующих ЛЕ: *бѹзе(и)вѹк* ‘крупный, здоровый малыш мужского пола’ и ‘шустрый, беспокойный малыш мужского пола’, *чурѣк* ‘чѣрствое мучное изделие’ и др.). Многие тюркизмы активно включились в словообразовательные процессы (см., напр., 5 дериватов у слова *кабѹк* ‘тыква’: *кабакѹвый*, *кабачѹный*, *кабачѹчий*, *кабачкѹвый*, *кабѹчный*) и во фразеомообразующие процессы (см., напр., *общѣственный бугѹй* ‘женолюбивый мужчина’, *скрыпѣть як немазана(я) гарбѹ* ‘ворчать’ и др.). Предложенная лексикографическая разработка семантической структуры слова *курѣ(и)нь* позволила проследить исторический путь развития его семантики, представив, как на основе более общих значений формируются частные, осложнённые конкретными семантическими признаками. Выявленные особенности функционирования тюркизмов показали, что, оказавшись в диалектной среде, эти ЛЕ проходят свой путь семантического развития. С одной стороны, они придают самобытность лексико-семантическому пространству кубанских говоров, с другой – демонстрируют их общность с другими казачьими говорами.

Глава 3 «**Фразеологический состав кубанских говоров**» посвящена характеристике и описанию конкретного содержания основных ФЕ, образующих и организующих фразеологическое пространство кубанского диалекта.

В параграфе 3.1 «**Теоретические основы изучения кубанских фразеологизмов**» определено содержание понятия *диалектный кубанский фразеологизм*, под которым понимается устойчивое сочетание слов, входящее в общекубанский фразеологический пласт, а также в КГЮЮО или в КГУЮО, но не входящее в систему РЛЯ. Широкая трактовка понятия *диалектная фразеология* позволила считать нижней границей фразеологизма двусловное образование, верхней границей ФЕ – сложное предложение. Определение содержания понятий *диалектный фразеологизм*, *диалектный кубанский фразеологизм*, *объём фразеологического состава диалекта* важно для выявления как региональных, так и общих закономерностей образования и функционирования ДФЕ в смешанных говорах, к которым относятся и говоры Кубани. Анализ ФЕ показал, что помимо диалектных в речи носителей кубанских говоров широко употребляются литературные и просторечные ФЕ. Своеобразие кубанской фразеологии составляют территориально ограниченные в употреблении устойчивые выражения, в семантике которых отражаются идеалы и аксиологические представления старожильческого населения края, материальная и духовная культура данного региона.

В параграфе 3.2 «**Номинативные и экспрессивные кубанские фразеологизмы**» проведена дифференциация УНТС и ДФЕ, которая опиралась на тематическую классификацию УНТС. УНТС были объединены в 20 ТГ. Установлено, что УНТС, не обладающие образностью и экспрессией, состоят из двух, реже трёх компонентов и образуют значительный корпус среди кубанских устойчивых выражений. Одна их часть не связана с какими-либо специфическими чертами этнической общности, другая относится к военному быту, к материальной и духовной культуре казаков Кубани. Характерная особенность УНТС – стремление к однозначности, обусловленное их терминологичностью. Отдельные устойчивые выражения, сочетающие в себе и терминологические, и собственно фразеологические признаки, представляют собой номенклатурно-терминологические фразеологизмы (см., напр.: *кацанский борщ* ‘ирон. и презр. борщ, сваренный из красной свёклы’ и др.). Смысловый стержень подавляющего большинства УНТС – имя существительное, сохраняющее прямое предметное значение. Опорными словами обычно выступают общенародные слова. Среди УНТС преобладают именные, глагольные отмечены в четырёх ТГ, наречная и адъективная группы не обнаружены, что объясняется номинативной ролью анализируемых единиц. Ряд УНТС имеют эквиваленты-универбы или эквиваленты, представляющие собой результат процесса имплицирования. Как правило, УНТС не входят в состав ДФЕ. Среди УНТС выявлены русско-украинские дублеты (см., напр.: *святой угол* – *святы́й уго́л* ‘угол в доме, в котором вешают иконы’ и др.). При этом многие УНТС входят в общекубанский фразеологический пласт (см., напр.: *стани(ы)чный атаман* ‘атаман станицы’, *глуха́(я) стена́* ‘стена, противоположная лицевой стороне строения’ и др.). Одни кубанские УНТС возникают в результате обобщения человеком наблюдений над окружающим миром и над самим собой, отражая общность жизненных условий многих народов, другие свидетельствуют об этнокультурном своеобразии характера мышления носителей кубанских говоров.

Яркий пласт кубанской фраземики составляют экспрессивные ФЕ. Установлено, что их экспрессивность создаётся за счёт семи основных средств: 1) выражения ДФЕ представлений об алогичных действиях, состояниях, признаках (см., напр.: *жени́ть молоко* ‘разбавлять молоко водой, чтобы иметь выгоду при продаже’, *через доро́гу на (в)пры́ядки(и)* ‘об очень дальней родне’ и др.); 2) внутренней рифмы (см., напр.: *неве́стке на отме́стки* ‘назло’, *попа́сть в рай на са́мый край* ‘просчитаться в чём-л.’ и др.); 3) гиперболизации или значительного преуменьшения мотивировочного признака (см., напр.: *за ша́пку суха́рей* ‘очень дешево’, *бу́рьяны́ в ви́кна загляда́ют* ‘о заросшем огороде’ и др.); 4) использования необычных сравнений (см., напр.: *дурны́й як са́ло без хлі́ба* ‘об очень глупом человеке’, *посине́ть як ку́рячий пуп* ‘очень сильно замёрзнуть’ и др.); 5) тавтологии (см., напр.: *недогре́бки сгреба́ть* ‘донашивать старую одежду с чужого плеча’, *хо́дором ходи́ть* ‘быть весёлым, энергичным’ и др.); 6) созвучия рифмующихся искусственно созданных

звуковых комплексов, лишённых образных представлений (см., напр.: *тэти-мэти* ‘деньги’, *хабу́р-чабу́р* ‘всякая всячина’ и др.); 7) совмещения нескольких способов (см., напр.: *глуп по са́мый пун* ‘об очень глупом человеке’, *вы́менять часы́ на трусы* ‘совершить невыгодный обмен’ и др.). Кубанские ФЕ принадлежат к трём структурным типам, в принципе характерным для фразеологии: ФЕ-словоформы (см., напр.: *до и́дола* ‘очень много’ и др.), ФЕ-словосочетания (см., напр.: *куде́лю сыгра́ть* ‘оттаскать за волосы’ и др.), ФЕ-предложения (см., напр.: *порошн́я сы́плется* ‘кто-л. очень стар и дряхл’ и др.). Имеющийся языковой материал показал неравномерность представленности кубанских ФЕ по структурным типам и позволил выделить следующие активные модели: конструкции со сравнительными союзами *КАК / ЯК*, среди которых преобладают компаративные обороты, соответствующие двум логическим формулам сравнения: *С – КАК / ЯК – В* и *КАК / ЯК – В* (где В – объект сравнения, С – основание (признак) сравнения); конструкции с сочинительными союзами: *И; НИ / НЫ – НИ / НЫ; ТА / ДА; А*; конструкции с уступительным союзом *ХОТЬ / ХОЧЬ / ХУЧЬ*; конструкции с частицей *НЕ*; ДФЕ, равные по структуре словосочетанию, среди которых типичны и регулярны модели: *глагол + им. сущ. с предлогом или без предлога* и *сущ. + прилаг.*; преобладание среди ДФЕ, равных по структуре предложению, простых (двусоставных или односоставных) предложений.

В параграфе 3.3 «**Компонентный состав кубанских фразеологизмов**» установлено: большинство кубанских ФЕ состоит из общенародных ЛЕ, что отражает общую тенденцию, характерную для всех русских говоров. Ряды фразеологизмов образуют многие общенародные соматизмы (312 ДФЕ). Наибольшую фразеологическую активность проявляют слова: *РУКА* (44 ДФЕ), *ГЛАЗ* (39 ДФЕ), *ЯЗЫК* (33 ДФЕ). Яркий пласт представляет собой анималистическая фразеология – 224 ДФЕ, в состав которых входят 64 общенародных зоонима. Наиболее частотные из них: *СОБАКА* (30 ДФЕ), *ВОЛ(В)К* (16 ДФЕ), *КО(И)НЬ* (13), *КОБЫЛА / КОБЫЛИ(Ы)ЦА(Я)* (12 ДФЕ). Символические смыслы, выраженные в зоонимах-компонентах ДФЕ, продемонстрировали в большинстве своём соответствие общерусской культурной традиции. Обнаружены также такие устойчивые выражения, в которых отражаются специфичные представления носителей кубанских говоров о тех или иных зоонимах (см., напр.: *при(ы)скипа́ться как ба́ра́н* ‘вести себя навязчиво’, *не йи́сть дохлого коршу́на* ‘не знать трудностей’ и др.). К фразеологически активным общенародным словам относятся: демонизм *ЧЁРТ* (50 ДФЕ), теоним *БОГ* (14 ДФЕ), слова *ДУША* (27 ДФЕ), *ЗЕМЛЯ* (11 ДФЕ). Среди общенародных глаголов наибольшую активность (63 ДФЕ) обнаруживает глагол *ДАТЬ (ДАВАТЬ)*, который, как правило, играет вспомогательную роль, направленную на реализацию образности, заложенной в имени существительном. В состав ДФЕ входят также структурные варианты общенародных слов, отражающие фонетические, грамматические и словообразовательные особенности местных говоров. Число

словообразовательных вариантов слов ЛЯ и семантических диалектизмов в составе местных ДФЕ незначительно. Лексические диалектизмы по сравнению с семантическими обнаруживают большую фразеологическую активность. Многие из них являются компонентами ДФЕ хотя бы один раз. Более 50 лексических диалектизмов зафиксированы в составе ДФЕ два и более раз. Немногочисленны ДФЕ, диалектные компоненты которых представляют собой устаревшие или семантически неясные слова.

В параграфе 3.4 «**Устойчивые выражения с компонентом-именем собственным**» рассмотрены ДФЕ и УНТС с именами Бога, святых, пророков, а также ДФЕ и УНТС, в состав которых входят светские имена. Источники их происхождения различны: ДФЕ и УНТС первой группы восходят к религиозным сюжетам, апокрифическим сказаниям и т.п. (см., напр.: *Петрi(о)в батi(о)г* ‘раст. цикорий’, *сбор Богородицы* ‘православный мир’ и др.); второй – к фольклорным жанрам, к именам известных личностей, к именам членов диалектного сообщества, к именам вымышленных персонажей, каждое из которых выражает некую идею, заложенную в ДФЕ (см. *швыдка Настя* ‘расстройство кишечника’, *Троекуровка(я) псарня* ‘о большом количестве собак’ и др.). Часть имён собственных спонтанно приобретает в составе устойчивого выражения оценочно характеризующий смысл. Топонимическая лексика в составе кубанских устойчивых выражений нечастотна.

В главе 4 «**Модель лексико-фразеологической макросистемы кубанских говоров и её отражение в полисистемном региональном словаре**» доказана оптимальность применения метода моделирования языковой системы для изучения лексико-фразеологического пространства кубанских говоров.

В параграфе 4.1 «**Теоретические основы изучения лексики и фразеологии кубанских говоров с украинской и южнорусской и языковой основой как макросистемы**» показано, что лексико-фразеологическая макросистема кубанских говоров моделировалась на материале генетически и исторически родственных говоров, занимающих компактную территорию и рассматриваемых как фрагменты общей макросистемы диалектного языка. В этой связи лексико-фразеологическую макросистему кубанских говоров правомерно характеризовать как живую систему, обладающую свойством реального функционального тождества, состоящую из совокупности компонентов, находящихся во взаимно перекрещивающихся синтагмо-парадигматических отношениях и ограниченных в функционировании определённым ареалом.

В параграфе 4.2 «**Источники словаря и география лексических единиц**» рассмотрена языковая база Словаря кубанских говоров. Её основу составили материалы диалектологических экспедиций, проводимых под руководством автора с 2005 по 2017 гг. Плотное экспедиционное обследование и наличие материального «задела» (картотека, печатные материалы, личные архивы собирателей и информантов) сделали возможным сформировать

уникальную языковую базу для лексикографической презентации кубанского диалекта. Значительный объём словника, включение в лексикографический дискурс ЛЕ, зарегистрированных в КГЮЯО и в КГУЯО, обширная география (271 населённый пункт) существенно отличают этот словарь от других словарей, отражающих местную лексику и фразеологию.

В параграфе 4.3 «**Концепция словаря и характеристика его основных параметров**» изложена скрепляющая идея словаря. Это *первый* региональный *полисистемный* словарь, включающий ЛЕ, зарегистрированные на всей территории распространения кубанских говоров на синхронном этапе их бытования. Широкое понимание дифференциальности позволило поместить в него устаревшую лексику ЛЯ. В словарь также вошли просторечные ЛЕ, не зафиксированные словарями СРЛЯ; этнографизмы-локализмы и историзмы; отдельные местные названия населённых пунктов. Дифференциальный подход к формированию словника решил проблему его избыточности и сделал возможным выявить особенности, отличающие словарный состав говоров от лексики ЛЯ. Словарная статья, как и сам словарь, – открытая модель, представляющая внутрисловные и межсловные отношения ЛЕ на уровне микро- и макросистем. В словаре в систематизированном виде даны необходимые сведения для типологического исследования лексико-фразеологического состава кубанского диалекта в его территориально-ограниченной части: характер семантической структуры диалектных единиц, их тематическое разнообразие, структурные и семантические варианты, синонимические, антонимические и омонимические отношения, лексемы-параллели, география которых даёт относительно полную информацию об общности лексики кубанских говоров и типах лексических различий (противопоставленные / непровотивопоставленные).

В параграфе 4.3.1 «**Принципы формирования иллюстративной зоны словаря**» рассмотрены вопросы, связанные с определением источников оправдательных примеров, их количества и структурной организации, показана значимость иллюстративного материала, который не только служит дополнительным средством отражения значения ЛЕ, подтверждением её стилистических особенностей, но и передает самобытную народную речь, ту языковую среду, в которой «живёт» диалектное слово.

В параграфе 4.3.2 «**Прецедентные тексты в иллюстративной зоне словаря**» проанализированы вошедшие в словарные статьи прецедентные тексты (ПТ). Среди них выделены *собственно региональные* ПТ (*Казák нэ биз дóли, ры́ба нэ биз лускы́*) и *региональные варианты* общенародных ПТ (*Жысть прожы́ть – ны по́ле пэрэйты́*). Знание ПТ – важный показатель принадлежности к одному диалектному сообществу. Обычно их употребление присуще лингвокреативным языковым личностям, как правило, представителям старшего поколения, унаследовавшим фольклорное богатство и сохранившим его в активном словарном запасе. Зафиксированные «включения» фольклорной речи в диалектную, а также «переключения» с диалектной речи на

фольклорную и наоборот подтвердили тезис об их генетической связи, основанный на том, что исторически фольклор и диалект имели одних и тех же носителей. Диалектные ПТ принадлежат к различным фольклорным жанрам. На базе ПТ возможно образование устойчивых выражений. Промежуточное положение между фразеологизмами-словосочетаниями и ПТ занимают номинативные фразеологизмы-предложения. Установлено, что ПТ, в состав которых входят диалектные ЛЕ, чаще встречались в высказываниях носителей кубанских говоров с украинской языковой основой. Зарегистрированные в речи носителей КГЮЯО ПТ, как правило, состоят из общенародных ЛЕ, и это значительно снижает возможность включения их в словарную статью в качестве иллюстрации. Выявленное тематическое разнообразие ПТ продемонстрировало, что фольклорные реминисценции охватывают практически все области человеческого бытия, являясь своеобразной энциклопедией народной жизни.

Параграф 4.3.3 «Лексорассказы в иллюстративной зоне словаря» посвящён характеристике лексорассказа как особого лексикографического жанра, благодаря которому осуществлён недифференциальный подход при создании иллюстративной зоны словаря. Лексорассказ на основе макрорассказа информанта создаётся лексикографом, задача которого – оставить достаточно информации для раскрытия значения леммы, для демонстрации её синтагматики и парадигматики, этнокультурных особенностей, а также для сохранения микросюжетной линии, объединяющей отдельные предложения в структурно-семантическое единство. Деление лексорассказов на монологические и диалогические обусловлено наличием среди диалектоносителей монологистов и диалогистов. Как правило, лексорассказы, – это часть монолога, поскольку большинство информантов – пожилые сельские жительницы, склонные к монологическим высказываниям. Записанные лексорассказы относятся к традиционным функциональным типам текстов: повествование, которое оказалось наиболее частотным, описание и рассуждение. Типологическая структура многих лексорассказов неоднородна, в них обычно сочетаются два типа речи: описание и повествование, повествование и рассуждение.

Установлено, что концентрации внимания в лексорассказе на лемме способствуют следующие средства языковой выразительности: повтор леммы, контактное употребление лексических единиц, составляющих с ней синонимическую или антонимическую пары, употребление однокоренных с леммой лексем, сравнение леммы, её рифмовка, ирония, употребление леммы в составе прецедентного текста, а также комбинация названных выразительных средств. Важно и место леммы в лексорассказе. Её максимально сильная позиция – вхождение в каждую из частей лексорассказа. Сильными позициями являются также употребление леммы во вступительной и заключительной частях или только в заключительной части лексорассказа. Слабыми – употребление леммы во вступительной или основной частях лексорассказа. В

подобных случаях с целью концентрации внимания на лемме следует придерживаться следующей установки: части, в которых она отсутствует, не должны превышать трёх предложений.

Лексорассказы, обладая предметным сходством (предмет лексорассказа – короткий эпизод), трёхчастной композицией, несут в себе и индивидуальные черты рассказчика. В них проявляется также индивидуальность лексикографа, превращающего отрезок речевого потока в самостоятельное лексикографическое произведение. Иллюстрации-лексорассказы по сравнению с иллюстрациями-предложениями дают гораздо больше лексикологических сведений о лексикографируемой единице, позволяют наглядно проследить процесс лексикографической интерпретации, предоставляют более широкую ознакомительную информацию о говоре в целом, а также обладают большей информативностью, поскольку в них отражается жизнь носителей диалекта во всех её многообразных проявлениях. См., напр.: ~ В(У) ГО́РУ. ... *А мать нас научила. Як пичь то́пэ, то крыча́ть в трубу́: «Дым – в го́ру, а папа́ня – до до́му!» И мы всигда́, тробе́, пыта́лись засу́нуть в пичь го́лову и як мо́жно гро́мче крыча́лы: «Дым – в го́ру, а папа́ня – до до́му!» Но ба́тько, коне́чно, с войны́ нэ вырну́вся* (ст-ца Новоминская). ПОЛУ́МЫСОК ... *Оды́н раз мині ніколы було́, а сын прышо́л со шко́лы. Я кажу́: «Ба́ры полу́мысок, насыпа́й собі ку́шась». А вин: «Шо вы каза́лы? Полу́мысок! Нэ бу́ду йісты». Взял той полу́мысок. «Пиду́ бабу́сю спрошу́, шо воно́. Если бабу́ся ска́жэ, шо полу́мысок, я з нэ́го істы нэ буду́, дава́йтэ тарэ́лку»* (ст-ца Старотитаровская).

В главе 5 «Динамика и статика системных отношений в лексико-фразеологической макросистеме кубанских говоров» проанализированы семантические процессы, протекающие в лексико-фразеологической макросистеме кубанских говоров, и их роль в организации лексико-фразеологической макросистемы кубанского диалекта.

В параграфе 5.1 «Полисемия в лексико-фразеологической макросистеме кубанских говоров» показано, что при изучении многозначности в кубанских говорах актуален вопрос о группировке значений полисеманта, функционирующего в частных диасистемах. География каждого ЛСВ и ФСВ продемонстрировала наличие межсистемных, внутрисистемных и смешанных полисемантов (одновременно межсистемных и внутрисистемных), семантическая сетка которых обусловлена не только языковой основой кубанских говоров, но и принадлежностью слов и ДФЕ к частной микросистеме. Полисемантам присущи как внутренняя статика, так и внутренняя динамика: с одной стороны, ЛСВ и ФСФ стремятся к семантическому единству, с другой – обнаруживают определённые отличия. Данное противоречие отчасти объясняется преобладанием диалектной бисемии в лексико-фразеологической макросистеме кубанских говоров. Установлена пропорция многозначных и однозначных слов, принадлежащих к основным грамматическим классам, – 7205/876. В полисемантах заметную устойчивость проявили ЛСВ материнских языков, возникшие на базе продуктивных и при

создании локализмов метафорического переноса (см., напр.: *вълух* '1) кастрированный баран или козел; 2) о неповоротливом, нерасторопном человеке' и др.) и метонимического переноса (см., напр.: *шелёвка* '1) действие по знач. глагола *шелёвать* (процесс обшивки стен *шелёвками*); 2) досточка, которой обшивают стены хаты' и др.). Между ЛСВ многозначных ЛЕ выявлены гиперо-гипонимические отношения (см., напр.: *деревына* '1) дерево; 2) высокое дерево' и др.) и более распространенные гипо-гипонимические (см., напр.: *бубон* 1) бубен; 2) тулумбас и др.). Во фразеологии полисемия менее развита по сравнению с лексикой, что обусловлено структурной сложностью ФЕ. Новый ФСВ у ДФЕ может быть образован в результате переноса, когда первое значение ДФЕ является прямым и может послужить прототипом для создания вторичного, переносного значения (см., напр.: *гопки становиться* '1) подниматься на задние лапы; стать на дыбы (о лошади); 2) резко проявлять несогласие'). Обрядовые ФСВ также могут стать «фундаментом» для появления у ДФЕ, номинирующих определённые обрядовые действия или их участников, вторичных переносных значений, которые, как правило, имеют шуточный или иронический оттенок (см., напр.: *повесить чайник* '1) отказать при сватовстве; 2) отказать кавалеру'). Каждый ФСВ ДФЕ может представлять собой результат поочерёдной метафоризации одного и того же свободного словосочетания, которое по отношению к частным значениям ФЕ выступает в качестве общего источника метафоризации (см., напр.: *бзык / дзык / зык напал* '1) о беспокойном поведении животных в период течки; 2) о проявлении нервозности у человека' и др.). Внутренняя семантическая деривация развивается и на основе собственного, фразеологического значения (см., напр.: *жаба цыцку дала / даст(ь)* '1) кто-то умер / может умереть; 2) что-то испортилось / может испортиться' и др.). У отдельных УНТС выявлены значения, представляющие собой согипонимы (см., напр.: *добра(я) вода* '1) пресная вода; 2) дождевая вода' и др.).

В параграфе 5.2 «**Синонимия в лексико-фразеологической макросистеме кубанских говоров**» показано, что межсистемные синонимы под влиянием тесных междиалектных контактов могут менять свой лингвистический статус в зависимости от территории бытования. Это является показателем динамики синонимии кубанского диалекта, лексико-фразеологическая макросистема которого не является замкнутой и изолированной. География ЛЕ позволила выявить внутрисистемные, межсистемные, а также смешанные синонимы. Дифференциация однокорневых синонимов и вариантов обозначила тенденцию к утрате детализации в значениях, но сохранению структурной вариативности (однокорневые словообразовательные варианты значительно превышают в количественном отношении однокорневые синонимы). Большое количество синонимов-дублетов (см., напр.: *арбуз, гарбуз = кавун, каун* и др.) подтвердило универсальность данного явления для диалектов. Применение МКА позволило выявить идеографические синонимы (см., напр.: *купленный, купованный,*

продáжный ‘купленный’ – *магазинский* ‘купленный в магазине’ и др.). При квалификации стилистических синонимов (см., напр.: *самого́н, рака́ (нейтр.)* и *косоры́лавка, чемергёс (ирон.)* и др.) использовались различные критерии (наличие аффиксов, выражающих субъективную оценку, необычность звуковой формы ЛЕ, семантическая производность, наличие соответствующего семантического компонента в структуре значения, тематический критерий). Помощь в стилистической квалификации многих ЛЕ оказало наблюдение их в полевых экспедициях. Выявлены также квазисинонимы, отличающиеся и дифференциальными семами, и стилистической маркированностью (см., напр.: *(нейтр.) бирю́к, вовк* и *(экспр.) вовéло, волча́ра* ‘матёрый, крупный волк’ и др.). Средняя длина синонимического ряда составляет 2 – 3 синонима. Зафиксирован синонимический ряд, состоящий из 14 глаголов с общим значением ‘бродить, шататься без дела’. Довольно протяжённые синонимические ряды представлены в тематической сфере «Человек». Высокая структурная вариативность ЛЕ, характерная для говоров вообще и для кубанских говоров в частности, порождает тот факт, что в синонимические ряды часто входят структурные варианты.

Фразеологическая синонимия представлена достаточно широко как в плане количества синонимических парадигм, так и в плане их типологического разнообразия. Её следует отграничивать от фразеологической вариантности, обусловленной как языковой основой говоров, так и целым рядом экстралингвистических факторов. Определённую роль в образовании вариантов играет модус коммуникации, поскольку при переходе носителей говоров на разговорный ЛЯ возможна замена диалектных компонентов ДФЕ на литературные. Выявлено 9 основных направлений развития варьирования устойчивых выражений в говорах Кубани: 1) акцентологическое; 2) фонематическое / фонетическое; 3) лексико-грамматическое; 4) грамматическое; 5) синтаксическое вариантность; 6) лексическое; а также 7) квантитативное варьирование; 8) совмещение нескольких типов варьирования; 9) варьирование, обусловленное языковой основой кубанских говоров. К диалектным фразеологическим синонимами относятся выполняющие одинаковую синтаксическую функцию ФЕ, имеющие общую денотативную соотнесённость и разные образные представления, определяющие их общее содержание. Синонимичные кубанские ФЕ либо принадлежат одной из микросистем, либо входят в общекубанский фразеологический пласт. Имеющийся языковой материал позволил выявить синонимические парадигмы открытого типа, имеющие разную протяжённость: наречные (см., напр.: *ни оді́н дані́ла; вей трава; не грéет, не знобі́т; и жа́лю ма́ло, и волк тра́вушку не ешь* ‘безразлично’ и др.), глагольные (см., напр.: *в(у) ма́сле купáться, свет ві́деть, жити́ як мы́ша в(у) кру́пах, катáться как на блю́де* ‘жить в достатке’ и др.), именные (см., напр.: *через до́рогу на (в)пры́ядки(и), на́шему забо́ру двою́родный плетéнь, Петро́ ба́бе рідный Хведир, как / як чёрт коза́ дядька* ‘об очень дальней родне’ и др.), адъективные

(см., напр.: *куры загребут / заклюют, петелёк от себе нэ откыне(ть)* ‘о робком, застенчивом человеке’ и др.). В подавляющем большинстве ДФЕ не обнаруживают эмоционально-экспрессивных отличий, поскольку все они, как правило, обладают повышенным эмоциональным тонусом. Данное обстоятельство объясняется тем, что основная функция ФЕ – экспрессивная. В говорах, как и в ЛЯ, фразеологическая синонимия сближается с лексической. Такие парадигмы имеют различную протяжённость.

В параграфе 5.3 «**Омонимия в лексико-фразеологической макросистеме кубанских говоров**» показано, что при квалификации гетерогенных омонимов принимались во внимание лексикализованные фонетические явления и некоторые другие лексико-семантические процессы, приводящие к модификации внешнего и внутреннего облика диалектного слова (см., напр.: *деркач¹* ‘птица дергач, коростель’ и *деркач²* ‘веник-голик для уборки двора’ и др.). Разграничение полисемии и гомогенной омонимии на синхронном уровне проводилось с учётом мотивированности значений, при наличии которой ЛСВ остаются в границах одного слова. В случае несвязанности значений ЛЕ распадается на омонимы (см., напр.: *пацюк¹* ‘поросёнок’ и *пацюк²* ‘большая крыса’ и др.). Зафиксирован случай, когда разные по происхождению ЛЕ сближаются в сознании носителей диалекта и воспринимаются ими как разные ЛСВ одного слова, см., напр.: *папа* ‘отец, папа’ (из франц. *papa*) и ‘хлеб’ (восходит к лат. *panis* ‘каша’). Это явление, которое логично назвать *лексической конвергенцией*, продемонстрировало подвижность границ между омонимией и полисемией не только со стороны полисемии, когда слово превращается в два омонима, но и со стороны омонимии, когда омонимы сливаются в полисемичное слово. Общепринятое слово в системе ЛЯ может распасться на омонимы, а в говоре, благодаря наличию диалектного ЛСВ, сохранять семантическую целостность. Такие явления создают переходную зону между синхронией и диахронией языка и способствуют более плавному переходу от старого состояния языка, которое ещё удерживается в говорах, к новому, реализующемуся в его литературной разновидности. Проанализированный языковой материал продемонстрировал важность дифференцированного подхода к каждому случаю определения семантической границы слова, отражение которой в региональном словаре способствует более точному выявлению объёма словарного состава говора и прогнозированию семантической перспективы его дальнейшей эволюции. Омонимия среди ФЕ нечастотна, она может возникать либо в результате распада полисемии, либо в результате образного переосмысления разных свободных словосочетаний.

В параграфе 5.4 «**Антонимия в лексико-фразеологической макросистеме кубанских говоров**» рассмотрены антонимы однокорневые (см., напр.: *вбуваться – ра(о)збуваться* и др.) и разнокорневые (см., напр.: *балакушка – молчуха* и др.), а также переходные случаи выражения антонимии одной из частей сложного слова (см., напр.: *тугососая – слабососая* ‘о корове,

которая тяжело / легко доится' и др.). Установлено, что ДФЕ вступают в антонимические отношения реже, чем слова. Их способность антонимизироваться проявляется гораздо в меньшей степени, чем способность синонимизироваться. Результаты ассоциативного эксперимента, направленного на выяснение второго члена антонимической пары, показали, что слово-стимул может образовывать как одну пару антонимов, так и несколько, в чём проявляется статика и динамика строения и функционирования диалектной антонимической системы кубанских говоров. Не все участники эксперимента смогли подобрать антоним к слову-стимулу (не только диалектный, но и литературный), что также продемонстрировало отмечаемую многими исследователями низкую степень актуализации антонимов в речевой практике носителей говоров. Частое отсутствие актуализации одного из компонентов антонимической пары делает правомерным относить к антонимам пары слов или пары ФЕ, отражающие противоположные взаимоисключающие признаки и обнаруживающие регулярность контрастирующих ассоциативных связей, реализованных или не реализованных в рамках одной предикативной единицы или сложного синтаксического целого, объединённого общей микротемой. Выявленная способность разных частей речи образовывать антонимическую пару подтвердила универсальность данного явления для носителей русских говоров.

Установлено, что в устной речевой стихии диалекта создаются благоприятные условия для реализации творческой деятельности диалектоносителей, один из результатов которой – образование антонимических пар на основе эмоционально-эстетического, а также этнокультурного противопоставлений (см., напр.: *казак – ногородний* и др.). Такие контрарные парадигмы имеют общенациональный или социально-локальный характер (последний выявляется в результате исследований материальной, духовной и речевой культуры носителей диалекта). В ряде случаев члены социально-территориальных контрарных парадигм представляют собой синонимы, вступившие в антонимические отношения (см., напр.: *хата – дома* др.). Выявление социально-территориальных контрарных парадигм способствует более глубокому описанию особенностей ДЯКМ и расширению круга ЛЕ, образующих пары антонимов в лексико-фразеологической макросистеме кубанских говоров.

В главе 6 «**Идеографическая организация лексико-фразеологической макросистемы кубанских говоров**» показано, что лексика и фразеология кубанских говоров представляет собой исторически сложившуюся и динамически развивающуюся целостность, основанную на множестве иерархически организованных номинаций. Представленная классификация слов и ФЕ по ТГ и ЛСГ (элементарным семантическим микрополям) не только является релевантной характеристикой лексико-фразеологической макросистемы, но и способствует более глубокому пониманию её внутреннего устройства. На конкретном языковом материале подтверждено уже

сложившееся в лингвистике положение об антропоцентрическом устройстве лексикона носителей диалекта, мировидение которых сконцентрировано вокруг человека.

В параграфе 6.1 «Теоретические основы изучения идеографической организации лексико-фразеологической макросистемы кубанских говоров» дана краткая характеристика подходов, внесших ощутимый вклад в разработку теории семантического поля (СП), связанных с именами Ю.Д. Апресяна, Е.Л. Березович, В.Г. Гака, Р.М. Гайсиной, Ю.Н. Караулова, Л.А. Новикова, Н.И. Толстого. Применение идеографического подхода позволило создать свёрнутую модель СП «Человек», представляющую собой фрагмент идеографического словаря, на базе которого возможно основанное на ономаσιологическом подходе представление конstituентов поля, а также проведение их разноаспектного лингвистического анализа. Количественный лексико-фразеологический состав 13 микрополей отражён в таблице.

Таблица 14 – Лексико-фразеологический состав фрагмента макрополя «Человек»

Микрополе	Часть речи			Устойчивы выражения		Всего конstituентов
	Имя сущ.	Имя прил.	Глагол	ФЕ	УС	
Рождение	8	6	8	12	–	34
Части тела	29	–	–	18	9	156
Внешность	23	73	6	16	15	133
Вес	36	23	4	12	14	89
Рост	19	8	–	3	5	35
Возраст	44	9	3	12	2	70
Ум, интеллект	1	11	2	8	1	22
Глупость	21	9	–	19	6	55
Группа людей	35	–	–	6	–	41
Пьянство, наркомания	16	4	19	17	4	60
Здоровье, сила	11	8	9	3	1	32
Слабость, болезнь	33	34	28	18	7	120
Смерть	3	1	16	32	–	51

Организация поля зависит от количественного и качественного состава образующих его конstituентов, то есть полевые структуры не имеют единой общепринятой схемы. В развёрнутом описании слова и ДФЕ подвергаются разноаспектному лингвистическому анализу, направленному на определение их места в структурной организации поля.

В параграфе 6.2 «Лингвистический анализ микрополей «Речь» – «Пение» – «Молчание»» дано развёрнутое описание конstituентов этих

микроречей. Показана существенная роль в организации лексико-фразеологического пространства кубанского диалекта микроречей «Речь» (360 конституентов), обусловленная тем, что речевая характеристика – важное средство познания человека, его отношения к окружающему миру, к самому себе и один из наиболее надёжных критериев, устанавливающих принадлежность или, напротив, непринадлежность языковой личности к диалектному сообществу. В данном микроречей преобладают глаголы (129 ЛЕ). Несмотря на семантическую диффузность, их можно объединить в достаточно очерченные микрогруппы в зависимости от актуализации в контексте определённой стороны речевого процесса: степень владения языком; темп речи; акустическая сторона; содержание речи; словесные обрядовые действия; объём речи; манера речи; внутренняя речь и др. Речевые действия человека как обладателя речевой способности, фольклорные жанры называют и имена существительные (50 ЛЕ). Имена прилагательные (38 ЛЕ) служат для речевой характеристики человека. Наречия (5 ЛЕ) указывают на признаки речевого действия. Широко представлены устойчивые выражения (117 ДФЕ). Объектами образной трансформации в ДФЕ являются сам человек, его действия, части его тела; ассоциативные связи с животным миром и миром вещей. В качестве компаративных объектов носители местных говоров используют самого человека, его действия, свойства предметов. Компонентами ДФЕ и УС выступают следующие соматизмы: *язык, зубы, рот, глаза, кулак, ухо*.

Константную часть микроречей «Речь» составляют ЛЕ общекубанского лексического пласта (*балáкать, балáчка, казáть, говори́(ы)ть* и др.), что подтвердило прямую зависимость устойчивости диалектизма в лексико-фразеологической системе говора от широты его территориального распространения. Наряду со словами материнских говоров в микроречей входят и локализмы. Часть слов и ДФЕ занимает пограничное положение между говором и просторечием, в чём проявляется процесс сближения и динамического взаимодействия двух подсистем РНЯ – диалектной и просторечной. Высказывания информантов продемонстрировали негативное отношение носителей кубанских говоров к многословию. Малочисленны глаголы, актуализирующие значение ‘читать’, что объясняется неполным образованием многих информантов, а также отсутствием свободного времени для чтения. На периферии микроречей «Речь» находятся глаголы, характеризующие внутреннюю речь, тесно связанную с мыслительным процессом, и идиорефлексы.

Микроречей «Пение» включает 65 конституентов (20 имён сущ., 22 глаг., 19 ДФЕ и 4 УС). Вхождение большинства из них в активный словарь носителей диалекта, а также дифференциация песен по жанрам свидетельствуют о развитой народной песенной культуре жителей Кубани, неразрывно связанной с мощными фольклорными традициями кубанского казачества. Многочисленную ЛСГ, организованную в стройную систему, составляют глаголы со значением ‘петь’. По вертикали они находятся по отношению друг к

другу в таксонимических отношениях, по горизонтали – в синонимических. В качестве родовых выступают глаголы *спевать* и *(и)грать*. Разнообразны экспрессивно окрашенные ДФЕ и УС, характеризующие певческий голос. Широкий ареал имеет диалектный акцентно– «словообразовательно» – грамматический вариант *песняк*. Органичная связь пения и говорения наглядно проявляется в способности ЛЕ, номинирующих эти процессы, вступать в синонимические отношения благодаря наличию в их ЛСВ общих интегральных сем.

Микрополе «Молчание» немногочисленно, оно включает 21 конституент (без учёта структурных вариантов) с интегральной семой ‘молчание, отсутствие речи’ (4 имени сущ., 2 глаг., одно наречие, 11 ДФЕ, 3 УС). Записанные контексты продемонстрировали, что словообразовательный вариант *молчу́ха* имеет нейтральную коннотацию. Между тем наличие отрицательной коннотации у ЛЕ *бабай*, *дундук*, *немтырь*, номинирующих молчаливого человека мужского пола, подтвердило, что излишняя молчаливость, как и болтливость, не вызывают у носителей говоров одобрения.

Объектом образной трансформации во ФЕ и компаративных оборотах являются сам человек и части его тела (*глаза, глотка, рот, язык*). Многочисленность диалектных структурных вариантов общенародного наречия *молча* (6 ЛЕ), в которых отражаются живые фонетические процессы, характерные для кубанского диалекта (произношение губно-губного звука [В] на месте [Л], отвердение согласных перед гласными переднего ряда), обусловлена не только широким ареалом ЛЕ, но и индивидуальными особенностями диалектоносителей.

В параграфе 6.3 «**Лингвистический анализ микрополей «Мирный труд» – «Лень»**» дано развёрнутое описание конституентов этих микрополей. Микрополе «Мирный труд» включает 376 конституентов (108 имён сущ., 13 имёнприлаг., 167 глаг., 4 нареч., 70 ФЕ, 14 УС). Своеобразие субэтнического восприятия труда состоит в том, что для казака ратный и сельский труд неразделимы, и это находит яркое воплощение в диалектной лексике, фразеологии и паремиологии. Наряду с глаголом *работать* в КГУАЮ повсеместно употребляется глагол *робыть*. Глаголы и устойчивые выражения, помимо значения ‘трудиться, работать’, выражают целую палитру смыслов: ‘много и изнурительно работать’, ‘справиться (справляться) с любой тяжёлой работой’, ‘быстро и много работать’, ‘быстро, споро, слаженно работать’, ‘заниматься каким-л. хлопотным делом, возиться’. Тематическое разнообразие слов и ДФЕ, называющих трудовые действия, позволило объединить их в следующие микрогруппы: «земледельческий труд», «уход за домашними животными и птицей», «строительство», «рыболовство», «ремесленная, профессиональная деятельность», «действия, связанные со сбором плодов или урожаем», «действия, связанные с работой по дому», «действия, связанные с ведением домашнего хозяйства». Серия слов и ДФЕ служит для номинации человека по роду его деятельности, среди них положительную коннотацию

имеют номинации умелых людей. Ценятся также хозяйственность и выносливость в работе. В ряде конституентов прослеживается гендерный аспект, что связано с историческим временем их бытования.

В микрополе «Лень» (158 конституентов) преобладают устойчивые выражения (68 ДФЕ и 5 УС). Глаголы и ФЕ с интегральной семой 'бездельничать' могут различаться дифференциальными семами, актуализируя следующие смыслы: 'принимать позу, в которой невозможно ничем заниматься; бездельничать', 'долго лежать не вставая', 'долго сидеть не вставая', 'изнывать от безделья', 'слоняться без дела', 'заниматься бесполезной деятельностью'. В языковом сознании диалектоносителей понятие *лень* устойчиво ассоциируется с пьянством, глупостью и пустословием, что находит отражение в семантической структуре слов и ДФЕ. Среди номинаций человека по его отношению к труду преобладают диалектизмы со значением 'лентяй', 'ленивый'. Утверждение положительного идеала в диалектной лексике и фразеологии чаще происходит через выражение издёвки и насмешки над отсутствием положительных качеств и свойств человека. Особенно порицается отсутствие хозяйственных навыков у женщины. Неумелый человек получает презрительные или насмешливые прозвища. Ряд глаголов и ДФЕ характеризует неумелые или небрежные действия человека. Значение 'плохо, небрежно, кое-как' актуализируют наречия и ФЕ. Размытость семантики и совмещение значений наблюдается и у глаголов, номинирующих медленные и бестолковые действия. Разнообразны номинации медлительного, нерасторопного человека. Презрительную или ироническую оценку получает тот, кто делает всё наспех и некачественно.

В параграфе 6.4 «**Лингвистический анализ микрополя «Номинации человека по национальной, этнической и социальной принадлежности»**» проанализированы слова и устойчивые выражения, в которых самобытно отражаются определённые этнические образы и представления, особенности восприятия кубанским казачеством отдельных народов и представителей других социальных слоёв. Микрополе состоит из 135 конституентов (61 имя сущ., 21 имя прилаг., 32 ФЕ, 21 УС). Языковой материал показал, что сословные различия в представлении кубанцев значат гораздо больше, чем этнические. Для этого микрополя характерно преобладание оценочных слов и ФЕ над нейтральными, расщепление коннотации, архаизация, терминологизация и переосмысление. Центральное место в лексико-семантическом пространстве кубанских говоров занимает этноним *ка(о)зак*. ЛЕ *ка(о)зак*, *ка(о)закский*, *ка(о)зачий*, *ка(о)зацкий* как самостоятельные слова, так и в качестве компонентов ДФЕ выступают в диалектном сообществе своеобразным эталоном жизненных ценностей, что подтверждают значения ДФЕ, пословиц и поговорок, включающих их в свой состав. Конституенты данного микрополя составляют немногочисленный, но весьма важный пласт лексико-фразеологической макросистемы кубанского диалекта: помимо номинативной и экспрессивной функций, они выполняют также функции

интеграции казачества и дифференциации его от других этнических и сословных групп.

В **Заключении** подведены основные итоги исследования и обозначены перспективы дальнейшей работы, направленной на лексикографическую и лингвогеографическую презентацию кубанского диалекта.

Основное содержание диссертации изложено в следующих **публикациях**:

Монографии, в том числе коллективные

1. Борисова, О.Г. Кубанские говоры: Материалы к словарю / О.Г. Борисова. – Краснодар, 2005. – 252 с.

2. Борисова, О.Г. Человек в лексико-фразеологическом пространстве кубанских говоров. Лексико-семантическое поле «Человек» в говорах Кубани / О.Г. Борисова // LAMBERT Academic Publishing. 2012. – 153 с.

3. Борисова, О.Г. Жилище человека как базовая ценность в языковом сознании казачества (на материале кубанских говоров) / О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина // Концептуализация как процесс и его результаты: коллективная монография. Вып. 67. Краснодар, 2008. – С. 151 – 167.

4. Борисова, О.Г. Говоры Кореновского района / О.Г. Борисова // История, этнография, фольклор Кубани. Т. 1. Кореновский р-н (материалы фольклорно-этнографических экспедиций). Вып. 67. Краснодар, 2015. – С. 222 – 236.

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ

5. Борисова, О.Г. Отражение семантической границы слова в практической лексикографии (на материалах говоров Кубани) / О.Г. Борисова // Известия Волгоградского государственного университета. Серия «Филологические науки». № 7 (61). – Волгоград, 2011. – С. 90 – 93.

6. Борисова, О.Г. Архаизация и неологизация лексики и фразеологии кубанских говоров: статика и динамика системы / О.Г. Борисова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 67. – Челябинск, 2012. – С. 31 – 34.

7. Борисова, О.Г. Теоретические основы изучения лексики и фразеологии кубанских говоров как макросистемы / О.Г. Борисова // Культурная жизнь Юга России. № 2 (45). – Краснодар, 2012. – С. 73 – 74.

8. Борисова, О.Г. Диалектные неологизмы через призму времени / О.Г. Борисова // Севернорусские говоры. Вып. 12: межвуз. сб. / отв. ред. А.С. Герд. – СПб., 2012. – С. 158 – 170.

9. Борисова, О.Г. Лексика и фразеология кубанских говоров. Материалы к словарю / О.Г. Борисова // Вестник Православного Свято-Тихоновского университета. Филология III: 4 (39) сентябрь-октябрь. – М., 2014. – С. 99 – 116.

10. Борисова, О.Г. Прецедентные тексты в иллюстративной зоне регионального словаря на (материале полисистемного Словаря кубанских говоров) / О.Г. Борисова // Севернорусские говоры. Вып. 13: межвуз. сб. / отв. ред. А.С. Герд. – СПб., 2014. – С. 17 – 40.

11. Борисова, О.Г. Социально-территориальные контрастные парадигмы как средство представления особенностей картины мира носителей кубанских говоров / О.Г. Борисова, Л.А. Исаева // Культурная жизнь Юга России. № 3 (54). – Краснодар, 2014. – С. 101 – 102.

12. Борисова, О.Г. Экстралингвистическая база изучения современных кубанских говоров: устойчивость и изменчивость основных параметров / О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина // Известия Волгоградского государственного университета. Серия «Филологические науки». № 5 (90). – Волгоград, 2014. – С. 73 – 79.

13. Борисова, О.Г. Лексико-семантическое пространство говоров позднего образования в генетических координатах (на материале говоров Кубани) / О.Г. Борисова // Севернорусские говоры Вып. 14: межвуз. сб. / отв. ред. А.С. Герд. – СПб., 2015. – С. 234 – 249.

14. Борисова, О.Г. Иллюстративная зона регионального словаря как лексикографическое произведение / О.Г. Борисова // Вестник Омского университета. № 1 (75). – Омск, 2015. – С. 199 – 202.

15. Борисова, О.Г. Лексорасказ как форма подачи иллюстративного материала в диалектном словаре / О.Г. Борисова // Изв. Саратов. ун-та. Нов.сер. Филология. Журналистика. Т. 15, вып. 3 – Саратов, 2015. – С. 42 – 46.

16. Борисова, О.Г. Локальная семантическая адаптация лексики тюркского происхождения в говорах позднего образования / О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. № 1. – Киров, 2015. – С. 124 – 128.

17. Борисова, О.Г. Школьный диалектный словарь: информативность и дидактический потенциал (на материале кубанских говоров) / О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина // Русский язык в школе. № 8. 2015. – С. 3 – 7.

18. Борисова, О.Г. Типологическая характеристика кубанского диалекта / О.Г. Борисова // Известия Волгоградского государственного университета. Серия «Филологические науки» № 9 – 10 (113). – Волгоград, 2016. – С. 74 – 79.

19. Борисова, О.Г. Региональные словари как источник заданий для олимпиады по русскому языку (на материале кубанских говоров) / О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина // Русский язык в школе № 11. 2016 – С. 29 – 34.

Другие научные публикации

20. Борисова, О.Г. О лексикографическом описании говоров Кубани / О.Г. Борисова // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2005. / отв. ред. А.С. Герд. – СПб., 2005. – С. 61 – 70.

21. Борисова, О.Г. О материалах и источниках «Словаря кубанских говоров» / О.Г. Борисова // Итоги полевых фольклорно-этнографических исследований на Кубани: прошлое и современность: мат. краевой науч.-практ. конф. 28–29 октября 2005 г. – Краснодар, 2005. – С. 12 – 20.

22. Борисова, О.Г. Аудиторная работа по обработке диалектных материалов / О.Г. Борисова // Лексический атлас русских народных говоров

(Материалы и исследования). 2006. / отв. ред. А.С. Герд. – СПб., 2006. – С. 118 – 125.

23. Борисова, О.Г. Диалектологическая экспедиция в станицу Ахтанизовскую Темрюкского района / О.Г. Борисова // Дикаревские чтения (12): итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2005 г. – Краснодар, 2006. – С. 231 – 242.

24. Борисова, О.Г. Материалы к словарю кубанских говоров (по итогам диалектологической экспедиции в станицу Старотитаровскую) / О.Г. Борисова // Мир славян Северного Кавказа. Выпуск 3 / под ред. О.В. Матвеева. – Краснодар, 2007. – С. 265 – 298.

25. Борисова, О.Г. Диалектная лексическая синонимия в говорах Кубани / О.Г. Борисова // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2007 / отв. ред. А.С. Герд. – СПб., 2007. – С. 462 – 472.

26. Борисова, О.Г. Украинская и южнорусская лексика в говорах Кубани: семантические преобразования / О.Г. Борисова // Дикаревские чтения (13): итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2006 г. – Краснодар, 2007. – С. 355 – 365.

27. Борисова, О.Г. Украинская лексика в говорах Кубани: семантическая адаптация / О.Г. Борисова // Континуальность и дискретность в языке и речи: матер. Междунар. науч. конф. / ред. кол. В.П. Абрамов и др. – Краснодар, 2007. – С. 281 – 283.

28. Борисова, О.Г. Синонимы-дублиеты в говорах Кубани / О.Г. Борисова // Русские говоры: вчера, сегодня, завтра / отв. ред. С.В. Пискунова. – Тамбов, 2008. – С. 18 – 21.

29. Борисова, О.Г. Функциональная семантика диалектных глаголов речи в говорах Кубани / О.Г. Борисова // Дикаревские чтения (14). Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур северного Кавказа за 2007 г. – Краснодар, 2008. – С. 117 – 125.

30. Борисова, О.Г. Актуальные и неактуальные диалектные неологизмы в говорах Кубани / О.Г. Борисова // Традиционная культура славянских народов в современном социокультурном пространстве: Материалы V Международной научно-практической конференции. – Славянск-на-Кубани, 2008. – С. 115 – 119.

31. Борисова, О.Г. Диалектизмы с расщеплённой коннотацией в говорах Кубани / О.Г. Борисова // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2008 / отв. ред. А.С. Герд. – СПб., 2008. – С. 340 – 345.

32. Борисова, О.Г. Диалектные единицы, характеризующие трудовую деятельность человека (на материале кубанских говоров) / О.Г. Борисова // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Материалы V Международной научно-практической конференции. – Воронеж, 2009. – С. 172 – 177.

33. Борисова, О.Г. Общерусское слово в говорах позднего образования (на материале говоров Кубани) / О.Г. Борисова // Мир славян Северного

Кавказа. Вып. 5. К 60-летию профессора Н.И. Бондаря: Науч.-метод. материалы. – Краснодар, 2009. – С. 252 – 259.

34. Борисова, О.Г. Слова-репрезентанты понятия «речевая характеристика» в говорах Кубани / О.Г. Борисова // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2009/ отв. ред. А.С. Герд. – СПб., 2009. – С. 300 – 312.

35. Борисова, О.Г. Тематическая группа «Внешность человека» как фрагмент словаря «Человек в лексике и фразеологии кубанских говоров» / О.Г. Борисова // Диалектная лексика-2009. – СПб., 2009. – С. 92 – 114.

36. Борисова, О.Г. Собственно диалектные локальные значения общерусских слов в говорах Кубани / О.Г. Борисова // Русский язык в современном мире: константы и динамика: Материалы Международной научной конференции. – Волгоград, 2009. – С. 176–180.

37. Борисова, О.Г. Устаревшая лексика в говорах Кубани / О.Г. Борисова // Научно-творческое наследие Ф.А. Щербины и современность: Материалы IX Международной научно-практической конференции. – Краснодар, 2009. – С. 344 – 349.

38. Борисова, О.Г. Гетерогенные омонимы в лексическом пространстве кубанских говоров / О.Г. Борисова // Особенности функционирования и преподавания русского языка в полиэтническом регионе Северного Кавказа: Материалы Международной конференции-семинара. – Ставрополь, 2010. – С. 293 – 296.

39. Борисова, О.Г. Диалектная омонимия в лексическом пространстве кубанских говоров / О.Г. Борисова // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2010 / отв. ред. А.С. Герд. – СПб., 2010. – С. 127 – 137.

40. Борисова, О.Г. Экспрессивные диалектные фразеологизмы в говорах Кубани / О.Г. Борисова // Семантика и прагматика слова и текста. Поморский текст: сборник научных статей. – Архангельск, 2010. – С. 294 – 297.

41. Борисова, О.Г. Лексика говора казаков-некрасовцев в языковом ландшафте кубанских говоров (по материалам диалектологической экспедиции в хутора Новопокровский и Новонекрасовский Краснодарского края) / О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина // Живое слово: фольклорно-диалектологический альманах. – Волгоград, 2010. – С. 46 – 52.

42. Борисова, О.Г. Лексика говора казаков-некрасовцев: новые материалы (по результатам диалектологической экспедиции в хутора Новопокровский и Новонекрасовский Краснодарского края) / О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина / Традиции и новаторство в развитии лингвистической и методической мысли: материалы Международной научной конференции, посвящённой 120-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки РСФСР профессора Всеволода Антоновича Малаховского. – Самара, 2010. – С. 110 – 116.

43. Борисова, О.Г. Лексико-семантические особенности говора казаков-некрасовцев, обусловленные иноязычным влиянием (по материалам

диалектологической экспедиции в хутора Новопокровский и Новонекрасовский Краснодарского края) / О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина // Проблемы новистики и исторического славяноведения. Памяти С.В. Павловского. Материалы международной практической конференции. – Краснодар, 2010. – С. 160 – 163.

44. Борисова, О.Г. Кубанские говоры на рубеже веков: разнонаправленные векторы развития / О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина // Русский язык: исторические судьбы и современность: Материалы IV Международного конгресса исследователей русского языка. – М., 2010. – С. 487 – 488.

45. Борисова, О.Г. Квазисинонимы в говорах Кубани / О.Г. Борисова // Континуальность и дискретность в языке и речи: материалы Международной научной конференции, посвящённой памяти доктора филологических наук, профессора А.Г. Лыкова. Краснодар 17 – 20 октября 2011 г. – Краснодар, 2011. – С. 209 – 211.

46. Борисова, О.Г. Лексика и фразеология кубанских говоров как макросистема: модель и её реализация / О.Г. Борисова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. №4 (11). – Тамбов, 2011. – С. 25 – 29.

47. Борисова, О.Г. Полидиалектные и локальные значения общерусских слов в говорах Кубани / О.Г. Борисова // Филология, журналистика и культурология в парадигме социо-гуманитарного знания. Материалы 56-ой научно-методической конференции «Университетская наука – региону». – Ставрополь, 2011. – С. 104 – 106.

48. Борисова, О.Г. Приговор сбора станицы Старонижестеблиевской за номером 7 от 10 августа 1918 года: историко-лингвистический комментарий / О.Г. Борисова, И.Ю. Васильев // Научно-творческое наследие Ф. А. Щербины и современность. Сборник материалов XI научно-практической конференции. – Краснодар, 2011. – С. 188 – 195.

49. Борисова, О.Г. Диалектный ландшафт Щербиновского района Краснодарского края / О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2012. / отв. ред. А.С. Герд. – СПб., 2012. – С. 96 – 108.

50. Борисова, О.Г. Интровертный словарь как особый тип диалектного словаря / О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 2013. / отв. ред. А.С. Герд. – СПб., 2013. – С. 53 – 61.

51. Борисова, О.Г. Диалектный ландшафт Кубанского Приазовья: итоги полевых экспедиций / О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина // Континуальность и дискретность в языке и речи: материалы IV Международной научной конференции, посвящённой памяти доктора филологических наук, профессора А.Г. Лыкова. – Краснодар, 2013. – С. 170 – 173.

52. Борисова, О.Г. Кубанские говоры в контексте русских народных говоров / О.Г. Борисова // Научное наследие Фёдора Андреевича Щербины. Якаевские чтения. Сборник материалов XIV Международной научно-практической конференции. – Краснодар, 2014. – С. 133 – 140.

53. Борисова, О.Г. Лингвогеографическая зона Кубанское Приазовье: лексика и фразеология / О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина // Русский язык: исторические судьбы и современность: Материалы V Международного конгресса исследователей русского языка. – М., 2014. – С. 548 – 549.

54. Борисова, О.Г. Диалектный ландшафт Лабинского района Краснодарского края (по материалам полевой экспедиции). / О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014. / отв. ред. А.С. Герд. – СПб., 2014. – С. 100 – 123.

55. Борисова, О.Г. Учебная лексикография: теория и практика / О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина // Динамика языковых и культурных процессов в современной России: материалы IV Конгресса РОПРЯЛ, проходящего в рамках I Педагогического форума «Русский язык в современной школе» (Сочи, 1 – 3 ноября 2014 года). – СПб., 2014. – С. 47 – 53.

56. Борисова, О.Г. Природа экспрессивности кубанских устойчивых выражений / О.Г. Борисова // Verba magistro. Сборник научных статей памяти профессора А.С. Герда. – СПб., 2016. – С. 282 – 288.

57. Борисова, О.Г. Экспедиционные исследования как важнейшее направление изучения кубанских говоров в условиях их редукции / О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина, В.А. Ганыч // Научно наследие Ф.А. Щербины: казачество и история Кавказа. Якаевские чтения. Сборник материалов XVI международной научно-практической конференции. – Краснодар, 2016. – С. 181 – 192.

58. Борисова, О.Г. Своеобразие диалектных топонимов (на материале кубанских говоров) / О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина // Русский язык и ономастика в поликультурном образовательном пространстве Юга России и Северного Кавказа: проблемы и перспективы. – Майкоп, 2017. – С. 101 – 105.

59. Борисова, О.Г. Диалектный ландшафт Апшеронского района Краснодарского края / О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2017. – СПб., 2017. – С. 102 – 141.

60. Борисова, О.Г. «Без подносчиков палата не строится» (методические рекомендации по подготовке студентов к полевой практике) / О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина // Континуальность и дискретность в языке и речи: матер. Междунар. науч. конф. – Краснодар, 2017. – С. 216 – 219.

Борисова Ольга Геннадьевна

ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ СОВРЕМЕННЫХ КУБАНСКИХ
ГОВОРОВ КАК МАКРОСИСТЕМА: МОДЕЛЬ И ЕЁ РЕАЛИЗАЦИЯ

АВТОРЕФЕРАТ

Подписано в печать 14.09.2018. Формат 60x84 1/16
Печать трафаретная. Усл.-печ. л. 2,75. Тираж 100 экз. Заказ № 285.
Издательско-полиграфический центр Кубанского государственного
университета
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.